

ДЕКАБРЬ 2025 | ВЫПУСК №1

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ
ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ПРАВО,
ОБЩЕСТВО,
СПРАВЕДЛИВОСТЬ

<http://lsjj.ru/>

**НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА**

ПРАВО, ОБЩЕСТВО, СПРАВЕДЛИВОСТЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1/2025

www.lsjj.ru

Нижний Новгород, 2025

УДК 34

ББК 67

Международный научный электронный журнал «Право, общество, справедливость»,
Нижний Новгород: НОО «Профессиональная наука» - №1 - 2025. – 54 с.

ISSN 3033-814X

Статьи журнала содержат информацию, посвящённую анализу современного правового мышления в контексте общественных изменений и идеи справедливости.

Журнал открыт для исследователей, преподавателей, аспирантов и практиков, заинтересованных в осмыслении роли права в современном мире.

Все включенные в журнал статьи прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Электронная версия журнала находится в свободном доступе на сайте www.lsjj.ru

УДК 34

ББК 67

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Краснова Наталья Александровна — кандидат экономических наук, доцент, руководитель НОО «Профессиональная наука»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

1. Долгополов Кирилл Андреевич — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса юридического института СКФУ

2. Бюллер Елена Александровна — кандидат экономических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Адыгеский государственный университет»

3. Курбанов Муса Гасангусейнович — доктор философских наук, доцент ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», профессор кафедры философии и социально-политических наук

4. Грузинская Екатерина Игоревна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой государственных и гражданско-правовых дисциплин Новороссийского института (филиала) АНО ВО «Московский гуманитарно-экономический университет»

5. Гаджиева Айша Ансаровна — кандидат юридических наук, Юридический институт, кафедра уголовного права и криминологии. ДГУ

6. Чорновол Евгений Петрович — кандидат юридических наук, доцент. Уральский институт управления – филиал (г. Екатеринбург), Курганский филиал (г. Курган). ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

7. Чвякин Владимир Алексеевич — доктор философских наук, кандидат медицинских наук, профессор. Профессор кафедры рекламы и связей с общественностью в медиаиндустрии, «Московский политехнический университет». Профессор кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой «Московский педагогический государственный университет»

8. Рехтина Ирина Владимировна — кандидат юридических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

9. Тимчук Оксана Григорьевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономики и цифровых бизнес-технологий». Иркутский национальный исследовательский технический университет

10. Криволапова Людмила Валентиновна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и муниципального права. Оренбургский государственный университет

11. Попов Виталий Владимирович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и философии права. Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Эксперт в Федеральном реестре экспертов научно-технической сферы. Член-корреспондент РАЕН

12. Тихалева Елена Юрьевна — кандидат юридических наук, доцент. Сотрудник Академии ФСО России

**Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет,
ответственность за достоверность информации несут авторы статей**

© НОО Профессиональная наука, 2015-2025

Оглавление

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.....6

Ильясов Р.Р. Цифровизация и цифровая трансформация как новая реальность государственного управления 6

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОТРАЖАЮЩИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВА, ОБЩЕСТВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ.....13

Краснова Н.А. Конкурсные практики в образовании Intercllover как инструмент социальной мобильности и справедливости 13

ЭКОНОМИКА (ВКЛЮЧАЯ СОЦИАЛЬНУЮ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНУЮ, ПОВЕДЕНЧЕСКУЮ, РЕГИОНАЛЬНУЮ ЭКОНОМИКУ).....25

Лазаревич И.М. Факторы кадрового потенциала Республики Беларусь..... 25

Садловский Р.Е. Стратегический выбор продукта как ключевой фактор устойчивости бизнеса: экономико-методологический анализ на примере индустриальных строительных технологий..... 33

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ (ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА).....42

Абрамов В. К. Перестройка работы органов госбезопасности Мордовии в годы второй мировой войны 42

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

УДК 35

Ильясов Р.Р. Цифровизация и цифровая трансформация как новая реальность государственного управления

Digitalization and digital transformation as a new reality in public administration

Ильясов Р.Р.

Научный руководитель: **Старцева Ю.В.**

к.э.н, доцент,

РТУ МИРЭА, Институт технологий управления

Ilyasov R.R.

Scientific supervisor: Startseva Yu.V.

Ph.D., Associate Professor,

RTU MIREA, Institute of Management Technologies

Аннотация. В статье проведен обзор мировой и российской практики цифровой трансформации процессов государственного и муниципального управления. Автором статьи дается общая характеристика тенденций глобальной цифровизации государственных услуг. На основе анализа автор статьи предполагает вероятные перспективы развития цифровой трансформации системы государственных услуг как универсальной цифровой платформы для взаимодействия граждан, частных компаний и государства.

Ключевые слова: экономика, управление, цифровизация, цифровая трансформация, государственные услуги

Abstract. The article provides an overview of global and Russian practices of digital transformation of public and municipal administration processes. The author provides a general description of the trends in global digitalization of public services. Based on the analysis, the author suggests possible prospects for the development of digital transformation of the public services system as a universal digital platform for interaction between citizens, private companies, and the government.

Keywords: economy, management, digitalization, digital transformation, public services

Рецензент: Монгуш Алла Лоспановна – кандидат юридических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»

Введение

Рубеж XX-XXI вв. ознаменовался большим шагом в развитии информационных технологий, продукты которых активно используются как коммерческими компаниями, так и государственными организациями. Широкий инструментарий, ставший доступным благодаря разработкам в области различных цифровых решений под разные задачи, позволил оптимизировать процессы, происходящие внутри организаций, а также повысить оперативность и обеспечить прозрачность операций, начиная

документооборотом и заканчивая сложными вычислениями. Процесс внедрения этого инструментария получил наименование «цифровизация».

Сущность цифровой трансформации в государственном управлении

Цифровая трансформация как явление, возникшее в качестве развития цифровизации, представляет собой не столько обычное внедрение новых технологий, сколько комплексный подход к преобразованию парадигмы, в которой осуществляет свою деятельность организация. Единственного определения цифровой трансформации не существует, однако исследования, проводимые как крупными компаниями, так и научными деятелями, можно приблизительно свести к общей концепции этого процесса, как масштабной имплементации инновационных технологий во все процессы деятельности организации на всех уровнях управления с внесением фундаментальных изменений в модель взаимодействия организации как с внутренней, так и с внешней средой.

Одним из продуктов цифровой трансформации стали цифровые экосистемы — синхронизированные друг с другом и гармонично выстроенные в бесшовную среду цифровые решения, направленные на обслуживание различных потребностей участников этой системы в рамках их взаимодействия друг с другом с помощью специализированных сервисов или цифровых платформ.

Внедрение подобных систем, помимо вложений в инфраструктуру и совершенствования организационной структуры, требует внесения значительных изменений в саму модель работы организации — в том числе для ориентации на клиентский опыт и проактивность, что концептуально сближает государство с подходом коммерческой организации к взаимодействию с целевой аудиторией.

В контексте цифровой трансформации государственного управления принципы цифровой трансформации воплощаются в формах цифровых платформ для предоставления государственных услуг и различных электронных сервисов, а также в форме связки существующих средств цифровизации административных процессов в единую сеть. Эти решения позволяют государству обеспечить переход от закрытой и функционально ограниченной бюрократической системы к открытой, сетевой и технологически ориентированной модели, где государство выступает в роли платформы, обеспечивающей взаимодействие, сбор и анализ данных для повышения качества жизни и эффективности управления в условиях цифровой экономики.

Мировая практика цифровой трансформации государственного управления

В мировой практике существует множество примеров успешной цифровой трансформации на уровне государственного управления.

Самым наглядным иностранным примером обширной цифровой трансформации можно назвать опыт Китая. В период 2018–2019 гг. комитет по контролю и управлению (SASAC), являющийся уполномоченным органом в КНР по вопросам управления государственной собственностью, осуществил реализацию мер по ускорению цифровой трансформации государственных предприятий с использованием облачных сервисов и технологий больших данных.

В рамках данного комплекса мер в Китае была введена в эксплуатацию конференц-система Gonsin. Назначением данной системы является использование и обновление цифровых документов в сфере управления для замены устаревающих бумажных архивов. Платформа Gonsin также предлагает пользователям возможность проводить дистанционные конференции и заключать смарт-контракты.

Для модернизации госуправления Китаем также были приняты меры по внедрению блокчейна, который используется для предоставления государственных услуг как частным лицам и компаниям, так и самим государственным структурам. В силу географической, экономической и социальной специфики Китайской Народной Республики для страны особенно актуальным является регулирование процессов, связанных со строительством, муниципальным управлением и городской инфраструктурой. Посредством использования блокчейн-технологий Китаю удалось сократить операционные издержки, связанные со скоростью и качеством коммуникации ряда профильных ведомств.

Другим примером цифровой трансформации в госуправлении является опыт Дании, одной из первых стран ЕС, разработавшей и успешно воплотившей в несколько этапов проект электронного правительства. Целью первого этапа, начавшегося в 2001 году, было обеспечение возможности предоставления государственных услуг в электронной форме и обеспечение социального благополучия. Второй этап, проведенный в 2011–2015 гг., выполнялся с целью распространить применение цифровых решений на все уровни власти и полностью заменить традиционное делопроизводство на процессы с применением цифровых решений. Третий этап 2016–2020 гг. был направлен на разделение ресурсов для обеспечения отдельных процессов работы государства и его взаимодействия с частным сектором. Четвертый этап, начавшийся в 2022 году, направлен на укрепление цифрового правительства Дании, а также на поддержку бизнесов в области инноваций, развитие кибербезопасности,

внедрение новых технологий искусственного интеллекта и обеспечение равных возможностей граждан в доступе к ним.

Российский опыт цифровой трансформации государственного управления

Документооборот был одним из первых процессов, которые подверглись оцифровке в процессе цифровизации систем государственного управления. Результатом этих мероприятий является система ГАСУ — государственная автоматизированная информационная система. ГАСУ обеспечивает все виды операций с данными, содержащимися в государственных информационных ресурсах. Система обеспечивает надежную обработку и передачу данных аналитического характера, а также официальной государственной статистики и прочих сведений, необходимых для принятия решений в сфере государственного управления.

При рассмотрении темы отечественных государственных онлайн-порталов, необходимо упомянуть первые работы по созданию портала государственных услуг, которые были проведены в России в начале 2000-х годов. В результате этих работ был запущен портал ОГИЦ, на котором был предоставлен ограниченный набор услуг. Сайт сервиса позволял гражданам получать PDF-формы заявлений на оказание услуг, информацию об услугах органов власти и ключи ЭЦП.

Полноценным Российским продуктом цифровой трансформации в области государственного управления стал единый портал «Госуслуги», запущенный в 2009 году в качестве информационного портала. На сайте располагалась информация о документах, нужных для получения услуги. В 2010 году пользователи получили возможность подавать заявку на предоставление 20 государственных услуг. После этого совершенствование портала активно продолжилось.

В сентябре 2025 года общее количество услуг, предоставляемых на портале, достигло 1,6 тысяч, а число активных пользователей составило 112 миллионов человек. При этом портал стал частью полноценной экосистемы, в которую вошли другие государственные сервисы, такие как «Мосуслуги», ЕМИАС и другие. Для удобства ориентирования в системе появился чат-бот на основе искусственного интеллекта.

Портал «Госуслуги» призван предоставлять государственные услуги как физическим лицам, так и бизнесу. Например, предпринимателям доступны услуги по регистрации ИП или ООО с выбором системы налогообложения и созданием личного кабинета, оформление лицензий и разрешений с функцией получения сразу нескольких заключений по одному запросу, а также сервис «Меры поддержки юридических лиц».

Таким образом государству удалось создать активно развивающуюся платформу, позволяющую оптимизировать процесс взаимодействия с бизнесом и гражданами России, что снижает нагрузку на всех участников этого взаимодействия.

Тенденции, риски и перспективы

Цифровая трансформация государственного управления характеризуется переходом от простой оцифровки процессов к созданию целостной, ориентированной на гражданина экосистемы. Ключевой тенденцией является развитие принципа «одного окна», который реализуется через порталы государственных и муниципальных услуг. Этот принцип предполагает, что для получения услуги гражданину достаточно обратиться в единую точку доступа, где происходит межведомственное взаимодействие без его участия. Таким образом, человек подает заявление один раз, а необходимые справки и данные запрашиваются между органами власти автоматически.

Перспективы развития связаны с углублением этой модели: к примеру, с внедрением проактивного подхода, когда государство само предлагает услугу на основе имеющихся данных, до того как гражданин подаст заявление.

Также, с широкой доступностью искусственного интеллекта стала возможной разработка принципиально новых механизмов организации государственных универсальных цифровых порталов, сервисов и инструментов обработки информации. В перспективе существует возможность частичной либо полной замены на искусственный интеллект множества внутренних процессов, связанных с обработкой аналитической информации и документов. В теории это позволило бы сократить цепочку необходимых для обработки запросов операций и снизить нагрузку на систему государственного управления.

Тем не менее, несмотря на очевидные преимущества перспективных нововведений, сохраняются риски, связанные с неравномерным распределением технологий на больших территориях. Для Российской Федерации актуальна проблема цифрового неравенства в масштабах регионов, когда удаленные от столицы области несколько уступают центральным областям по уровню технического оснащения и уровню подготовки кадров для работы с цифровыми системами, что в перспективе создает угрозу замедления дальнейшего развития страны.

Также существуют риски, связанные с использованием искусственного интеллекта. Принципиально новая технология требует осторожного подхода к внедрению в чувствительные процессы.

Заключение

Подводя итог, следует ещё раз отметить, что цифровая трансформация является фундаментальным подходом к изменениям в структуре и принципах работы государственных органов. Это комплексный процесс, затрагивающий правовые, организационные и технологические основы деятельности государства, ведущий к созданию принципиально новых моделей управления. Его успешная реализация является залогом повышения конкурентоспособности страны и качества жизни населения в цифровую эпоху.

Библиографический список

1. Темников А.О. Современные подходы к определению термина «цифровая трансформация» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки – 2023. — N3. –С.222-229.
2. Ватолина О.В., Ничепорук А.В. Сущность и понятие цифровых платформ // Вестник Тихоокеанского государственного университета – 2025. — N1. –С.85-96.
3. Жевняк О.В. Цифровая платформа как технико-технологический феномен и его правовое значение // Вестник Пермского университета. Юридические науки– 2024. — N4. –С.85-96.
4. Добробаба М.Б. Цифровизация государственного управления: опыт зарубежных стран и возможности его использования в России: аналитический доклад. – М.: Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. – 56 с.
5. The Joint Government Digital Strategy / Agency for digital government — Режим доступа: <https://en.digst.dk/strategy/the-joint-government-digital-strategy/> (дата обращения: 23.10.2025).
6. Гатауллин А.Р. Искусственный интеллект в государственном управлении // Международный журнал гуманитарных и естественных наук – 2024. — N1. –С.85-96.
7. Цифровая платформа: что это такое, как работает и для чего нужна бизнесу / Коммерсантъ. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5900161> (дата обращения: 21.10.2025).
8. Как развиваются цифровые экосистемы в России / Блог Ростелеком — Режим доступа: <https://blog.rt.ru/b2c/kak-razvivayutsya-cifrovye-ekosistemy-v-rossii.htm> (дата обращения: 22.10.2025).
9. Совершенствование государственного управления на примере зарубежного опыта цифровизации / Молодой учёный — Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/527/116555> (дата обращения: 22.10.2025).

12

10. Портал государственных услуг Российской Федерации — Режим доступа: <https://www.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 23.10.2025).

11. Портал государственных услуг Российской Федерации / РУВИКИ — Режим доступа:

https://ru.ruwiki.ru/wiki/Портал_государственных_услуг_Российской_Федерации (дата обращения: 23.10.2025).

12. Григоренко рассказал, сколько россиян ежедневно пользуются "Госуслугами" / РИА Новости — Режим доступа: <https://ria.ru/20250913/gosuslugi-2041627732.html> (дата обращения: 23.10.2025).

13. На «Госуслугах» можно получить комплекс разрешений | Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации — Режим доступа: <https://ac.gov.ru/news/page/na-gosuslugah-mozno-polucit-kompleks-razresenij-28129> (дата обращения: 23.10.2025).

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ОТРАЖАЮЩИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВА, ОБЩЕСТВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ

УДК 316.74:37.014.5

**Краснова Н.А. Конкурсные практики в образовании Intercllover как
инструмент социальной мобильности и справедливости**

Intercllover's competitive practices in education as a tool for social mobility and equity

Краснова Наталья Александровна

Кандидат экономических наук, руководитель НОО «Профессиональная наука»,
председатель конкурсного жюри Intercllover

Krasnova Natalia Aleksandrovna

PhD in Economics, Director of the Professional Science,
Chair of the Intercllover Competition Jury

Аннотация. В статье рассматриваются конкурсные практики в сфере образования как социальный механизм, способствующий расширению социальной мобильности и реализации принципа справедливости в современном обществе. Актуальность исследования обусловлена устойчивым воспроизводством образовательного неравенства и необходимостью поиска институциональных форм, обеспечивающих равный доступ к признанию образовательных и профессиональных достижений. Цель исследования заключается в анализе социального потенциала конкурсных практик и выявлении условий, при которых они способствуют снижению эффекта стартового неравенства.

Методологическую основу исследования составляют положения социологии образования, теории социальной мобильности и концепции социальной справедливости. В работе использованы методы теоретического анализа, структурно-функционального и сравнительного анализа, а также кейс-стади. Эмпирической базой послужили материалы конкурсной деятельности образовательного портала Intercllover за период 2017–2025 гг., представленные в агрегированном и индексном виде.

Результаты исследования показывают, что конкурсные практики при условии прозрачных процедур, многоуровневой шкалы оценивания и разделения экспертных ролей формируют альтернативный канал социальной мобильности, способствуют накоплению социального и символического капитала участников и расширяют пространство образовательного и профессионального признания. Сделан вывод о том, что конкурсные практики в образовании могут рассматриваться не только как форма выявления достижений, но и как устойчивый социальный механизм, ориентированный на образовательный рост, социальное включение и укрепление доверия к институтам оценки.

Ключевые слова: конкурсные практики; социология образования; социальная мобильность; социальная справедливость; образовательное неравенство; экспертная оценка; человеческий капитал; образовательные траектории.

Abstract. The article examines educational competition practices as a social mechanism that contributes to social mobility and the realization of the principle of social justice in contemporary society. The relevance of the study is determined by the persistent reproduction of educational inequality and the growing demand for institutional forms that ensure equitable access to the recognition of educational and professional achievements. The purpose of the research is to analyze the social potential of competition practices in education and to identify the conditions under which they contribute to reducing the effects of unequal starting opportunities.

The methodological framework of the study is based on the sociology of education, theories of social mobility, and concepts of social justice. The research employs methods of theoretical analysis, structural-functional and comparative analysis, as well as a case study approach. The empirical basis of the study consists of materials from the competition activities of the educational portal Intercllover for the period 2017–2025, presented in aggregated and index-based form.

The findings demonstrate that educational competition practices, when supported by transparent participation procedures, a multi-level evaluation scale, and a differentiated expert structure, create an alternative channel of social mobility. These practices facilitate the accumulation of social and symbolic capital, expand opportunities for educational and professional recognition, and strengthen trust in assessment institutions. The study concludes that educational competitions should be regarded not only as mechanisms for identifying achievements but also as stable social institutions oriented toward educational development, social inclusion, and fairness.

Keywords: *educational competitions; sociology of education; social mobility; social justice; educational inequality; expert evaluation; human capital; educational trajectories.*

Рецензент: Кулаченко Марина Петровна - кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры психологии и педагогики.
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева»

Введение

В условиях усложнения социальной структуры современного общества образование сохраняет статус ключевого института, обеспечивающего воспроизводство и обновление человеческого капитала, а также формирование социальных лифтов. Вместе с тем на практике образовательные траектории и результаты обучения нередко оказываются опосредованы не только индивидуальными способностями и усилиями, но и социальным происхождением, территориальными различиями, ресурсами семьи, доступом к качественной инфраструктуре и культурному капиталу. Это формирует устойчивый запрос на такие механизмы образовательной поддержки и оценки достижений, которые способны снижать эффект стартового неравенства и расширять доступ к признанию результатов интеллектуальной и проектной деятельности.

Одной из распространённых, но недостаточно осмысленных в научной литературе форм образовательной активности являются конкурсные практики: научные, проектные, творческие и профессионально-ориентированные конкурсы, реализуемые как внутри образовательных организаций, так и на межрегиональном и международном уровнях. Конкурс в образовательном контексте представляет собой не только процедуру выявления лучших результатов, но и социальную технологию, включающую правила участия, критерии оценивания, экспертные сообщества, наставничество и публичное признание достижений. При определённых условиях конкурсные практики могут выполнять функцию альтернативного канала социальной мобильности [3; 7; 9], позволяя участникам фиксировать достижения, расширять сеть профессиональных контактов, формировать уверенность в собственных возможностях и получать

символический ресурс признания, значимый для дальнейшей образовательной и профессиональной траектории.

Проблема, однако, заключается в двойственной природе конкурсных практик. С одной стороны, они способны усиливать справедливость в распределении образовательных возможностей, создавая «окна» доступа к признанию и поддержке для тех, кто не обладает выраженными стартовыми ресурсами. С другой стороны, при непрозрачных правилах, размытых критериях или неравном доступе к подготовке конкурсы могут воспроизводить социальное неравенство, закрепляя преимущество участников с более развитым культурным и социальным капиталом. Следовательно, научный интерес представляет анализ конкурсных практик не как нейтрального инструмента «соревнования талантов», а как социального механизма, влияющего на мобильность и восприятие справедливости в образовательной среде.

Цель исследования состоит в выявлении и описании социального потенциала конкурсных практик в образовании как инструмента социальной мобильности и реализации принципа справедливости, а также в определении условий, при которых конкурсные механизмы способствуют расширению равенства возможностей и снижению эффекта стартового неравенства.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. обобщить основные подходы к пониманию социальной мобильности и справедливости в контексте образования;
2. охарактеризовать конкурсные практики как социальную технологию, включающую оценивание, наставничество и публичное признание;
3. определить механизмы влияния конкурсного участия на образовательные и профессиональные траектории;
4. описать риски воспроизводства неравенства в конкурсной среде и обозначить организационные условия, повышающие справедливость конкурсных процедур.

Научная новизна работы заключается в рассмотрении конкурсных практик как комплексного социального механизма, сочетающего оценочную, мотивационную, профориентационную и интегративную функции, а также в аналитическом выделении критериев «справедливости конкурса» как институциональной практики в системе образования.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования в настоящей работе являются конкурсные практики в сфере образования как форма организации научной, проектной и профессионально-ориентированной деятельности обучающихся и специалистов. Рассматриваемые практики охватывают конкурсы различного уровня и направленности, реализуемые в рамках формального и неформального образовательного пространства.

В целях соблюдения принципов конфиденциальности и корректности представления данных в исследовании использованы агрегированные и индексные показатели, отражающие динамику процессов без раскрытия абсолютных значений.

Предметом исследования выступает социальная функция конкурсных практик в образовании, выражающаяся в их влиянии на процессы социальной мобильности [3; 7; 9] и реализацию принципа справедливости [1; 8] в современном обществе. В центре внимания находятся механизмы доступа к участию, процедуры экспертной оценки, формы наставничества и признания достижений, а также их воздействие на образовательные и профессиональные траектории участников.

Эмпирическую базу исследования составляют материалы деятельности образовательного портала Intercllover, функционирующего с 2017 года в сотрудничестве с НОО «Профессиональная наука». В рамках анализа использованы данные о структуре конкурсных мероприятий, категориях участников, принципах экспертного оценивания и результатах конкурсной деятельности за многолетний период. Данный кейс рассматривается как репрезентативный пример устойчивой конкурсной модели, ориентированной на широкую социальную доступность и межпоколенческое образовательное взаимодействие.

Методологическую основу исследования составляют положения социологии образования [3; 7], теории социальной мобильности и концепции социальной справедливости. В работе использованы следующие методы исследования:

- теоретический анализ научных публикаций, посвящённых проблемам социальной мобильности, неравенства [3; 7; 9] и справедливости [1; 8] в образовании;
- структурно-функциональный анализ конкурсных практик как социальной технологии;
- сравнительный анализ различных моделей конкурсной организации;
- качественный анализ эмпирических материалов, включающий обобщение практик экспертной оценки и наставничества;
- аналитическое обобщение результатов конкурсной деятельности.

Применение комплексного методологического подхода позволило рассмотреть конкурсные практики не только как инструмент оценки индивидуальных достижений, но и как элемент институциональной структуры образования, влияющий на формирование образовательных стратегий, профессиональной идентичности и социального капитала участников.

Экспериментальная часть

Экспериментальная часть исследования посвящена анализу конкурсных практик в сфере образования как социального механизма, обеспечивающего условия для социальной мобильности и реализации принципа справедливости [1; 8]. В качестве эмпирического примера рассмотрена модель конкурсной деятельности, реализуемая на образовательном портале Intercllover [11], которая отличается устойчивостью, масштабируемостью и социальной ориентированностью.

Для анализа динамики участия в конкурсных практиках использован индексный метод, при котором показатель базового 2017 года принят за 100 %. Применение данного подхода позволяет выявить устойчивые тенденции роста без раскрытия абсолютных количественных значений. Представленные данные отражают динамику вовлечённости участников в период с 2017 по 2025 гг.

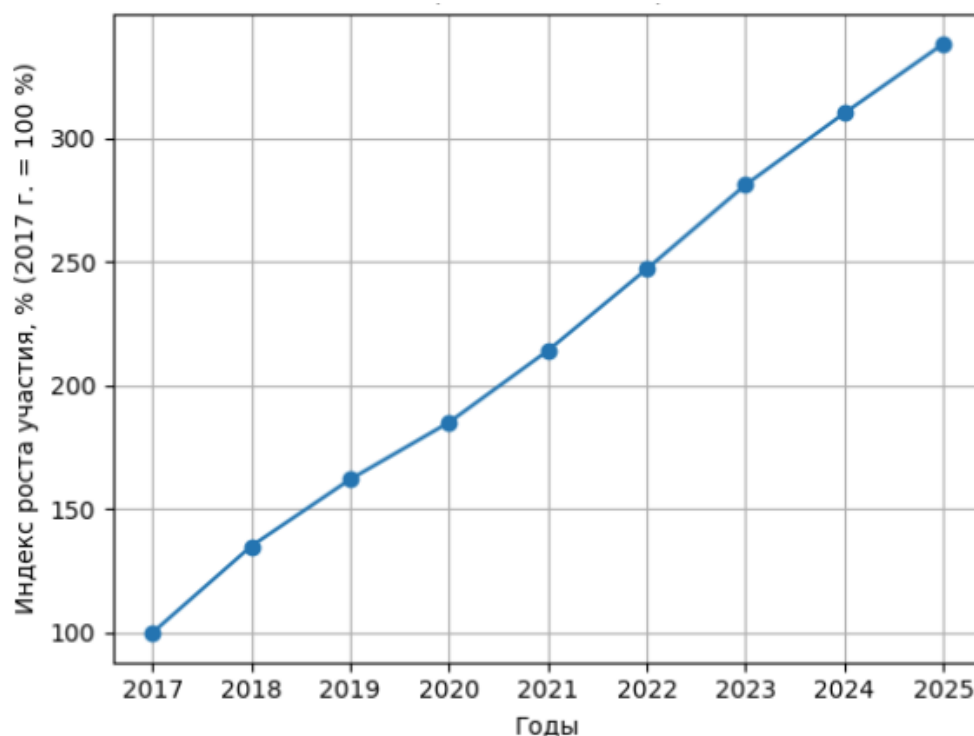

Рисунок 1. Индексная динамика участия в конкурсных практиках в 2017–2025 гг.
(2017 г. = 100 %)

Как показано на рисунке 1, на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдается последовательный рост вовлечённости в конкурсные практики, что свидетельствует о стабильности и социальной востребованности данного формата в образовательной среде, что соответствует международным тенденциям развития образовательных практик [8; 9]..

Конкурсные практики в данной модели представляют собой структурированную систему, включающую этапы информирования и привлечения участников, подачи и предварительного отбора работ, экспертной оценки, подведения итогов и публичного признания результатов. Существенной характеристикой данной системы является открытый характер участия, позволяющий вовлекать представителей различных возрастных и профессиональных групп независимо от их территориального расположения, социального статуса или уровня формального образовательного учреждения.

Открытость конкурсных процедур и отсутствие жёстких институциональных ограничений находят отражение в социальной структуре участников конкурсных практик.

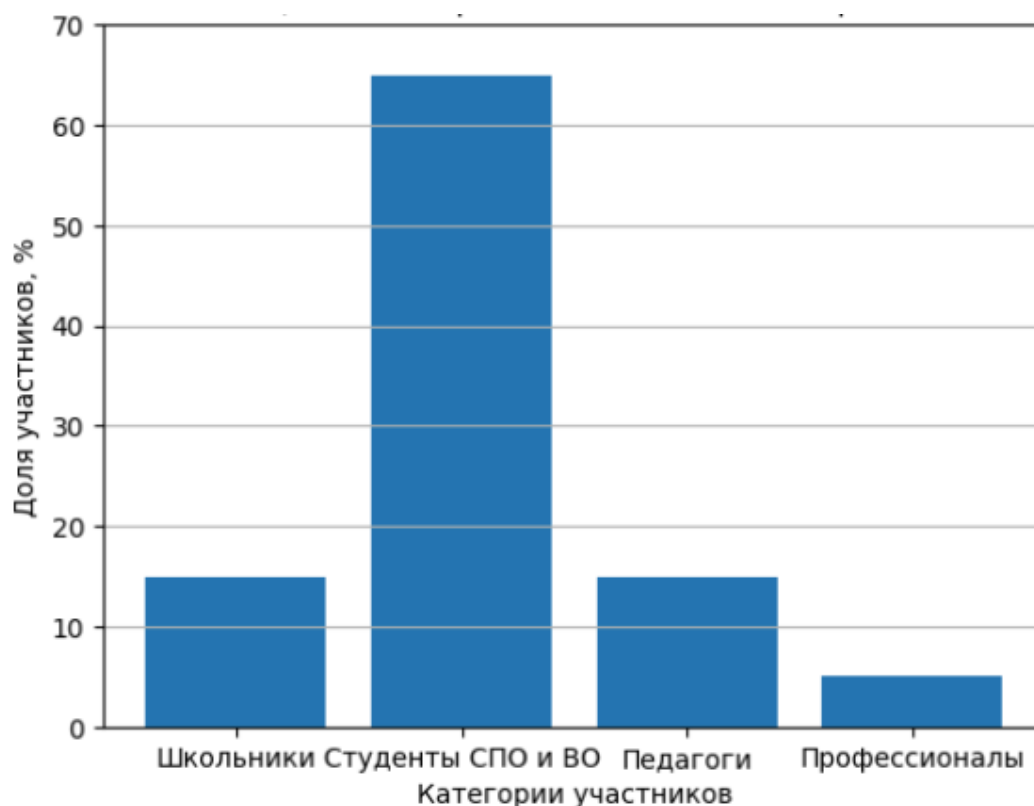

Рисунок 2. Структура участников конкурсных практик по социально-образовательным категориям, %

Структура участников конкурсных практик [11] демонстрирует выраженный межуровневый характер рассматриваемой модели (рис. 2). Наибольшую долю составляют обучающиеся программ среднего профессионального и высшего образования, что указывает на их ключевую роль в конкурсной активности. Существенная представленность школьников свидетельствует о включении механизмов ранней образовательной и профессиональной социализации. Участие педагогов обеспечивает связь конкурсной деятельности с формальным образованием, тогда как присутствие профессионалов формирует практико-ориентированное измерение и способствует передаче прикладного знания. В совокупности данная структура подтверждает инклюзивный характер конкурсных практик и их потенциал как инструмента расширения равенства образовательных возможностей [5; 7].

Особое значение в рассматриваемой модели придаётся процедурам экспертной оценки. Экспертное сообщество формируется из представителей профессиональной среды и академического сообщества, обладающих практическим и теоретическим опытом в соответствующих областях. Оценивание конкурсных работ осуществляется на основе заранее определённых критериев, ориентированных не только на формальные показатели качества, но и на оригинальность, практическую значимость и уровень самостоятельности выполненной работы. Такая система оценки способствует снижению субъективности и повышению доверия участников к результатам конкурсов.

Структура экспертного сообщества в рамках конкурсных практик носит многоуровневый характер и предполагает разделение экспертных ролей в зависимости от типа знания и функциональной нагрузки. Основные категории экспертов, их функции и социальные эффекты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Структура экспертного сообщества в конкурсных практиках

Категория экспертов	Состав экспертной группы	Основной тип знания	Ключевые функции в оценке	Социально-образовательный эффект
Академические эксперты	Преподаватели вузов и СПО, кандидаты и доктора наук, научные сотрудники	Теоретическое, научно-методологическое	Оценка научной корректности, логики исследования, уровня теоретической проработки и новизны	Обеспечение академической легитимности и соответствия образовательным стандартам [10]
Практико-ориентированные эксперты	Специалисты отраслей, представители бизнеса и профессиональных сообществ	Практическое, прикладное	Оценка практической значимости, реализуемости и прикладного потенциала работ	Формирование связи образования с профессиональной средой и рынком труда

Категория экспертов	Состав экспертной группы	Основной тип знания	Ключевые функции в оценке	Социально-образовательный эффект
Педагогические и наставнические эксперты	Учителя школ, наставники проектной деятельности, методисты	Образовательное, развивающее	Оценка уровня самостоятельности, образовательного роста и соответствия возрастным возможностям	Поддержка образовательной справедливости и ориентация на развитие участника

Представленная структура экспертного сообщества [11] дополняется распределением экспертного участия по основным категориям. В рамках конкурсных практик преобладающую долю составляют академические и практико-ориентированные эксперты, обеспечивающие баланс между теоретической обоснованностью и прикладной значимостью конкурсных работ. Существенное участие педагогических и наставнических экспертов позволяет учитывать образовательный контекст, уровень самостоятельности и индивидуальный прогресс участников. Такое распределение экспертных ролей способствует формированию сбалансированной модели оценки, в которой сочетаются требования научной корректности, практической реализуемости и образовательной справедливости и способствует снижению субъективности оценивания [1; 6].

В доле соотношении экспертное сообщество характеризуется преобладанием академических и практико-ориентированных экспертов, суммарно формирующих основную оценочную нагрузку, при сохранении значимой роли педагогических и наставнических специалистов. Данная конфигурация позволяет избежать доминирования одной профессиональной перспективы и снижает риск односторонней интерпретации результатов конкурсной деятельности.

Конкурсные практики выполняют также выраженную наставническую функцию. Взаимодействие участников с экспертами и педагогами способствует формированию профессиональных ориентиров, расширению представлений о возможных образовательных и карьерных траекториях, а также развитию навыков самооценки и рефлексии. Включённость преподавателей и учителей в конкурсный процесс обеспечивает интеграцию конкурсного опыта в образовательную деятельность и позволяет рассматривать конкурсы как продолжение и дополнение формального обучения.

С точки зрения социальной мобильности конкурсная модель создаёт альтернативный канал накопления социального и символического капитала. Получаемые участниками результаты в виде дипломов, сертификатов и экспертных

отзывов приобретают значение социального ресурса, который может быть использован при поступлении в образовательные организации, формировании портфолио и выстраивании профессиональной идентичности. При этом акцент делается не только на победе, но и на самом факте участия, что снижает конкурентное давление и способствует более широкому вовлечению.

Справедливость конкурсных практик в рассматриваемой модели обеспечивается совокупностью институциональных условий, включающих прозрачность правил участия, унификацию критериев оценивания, разделение ролей между организаторами и экспертами, а также ориентацию на развитие участников, а не исключительно на отбор наиболее успешных результатов. Такой подход позволяет рассматривать конкурсные практики не как механизм исключения, а как пространство образовательного роста и социального включения.

Важным элементом обеспечения справедливости конкурсных практик является многоуровневая шкала оценивания, основанная на совокупности качественных и количественных критериев. Реализация многоуровневой шкалы оценивания обеспечивается многоуровневой структурой экспертного сообщества (см. табл. 1). Использование балльной системы по каждому из критериев обеспечивает формирование итогового рейтинга участников и позволяет дифференцировать результаты не по принципу бинарного противопоставления «победы и поражения», а по степени достижения образовательных и профессиональных результатов. Наличие различных статусных категорий (победители, лауреаты, дипломанты, участники) способствует признанию достижений широкого круга конкурсантов и снижает эффект социальной эксклюзии, характерный для жёстко соревновательных моделей [5; 8].

Таким образом, экспериментальная часть демонстрирует, что конкурсные практики в образовании при соответствующей организационной и ценностной настройке способны выполнять функции социального механизма, способствующего расширению равенства возможностей, формированию социальной мобильности и укреплению доверия к образовательным институтам.

Результаты

В результате проведённого исследования установлено, что конкурсные практики в сфере образования обладают выраженным социальным потенциалом и могут рассматриваться как действенный инструмент социальной мобильности и реализации принципа справедливости при соблюдении определённых институциональных условий, что подтверждается динамикой участия и структурой вовлечённых социальных групп (см. рис. 1, 2).

Анализ эмпирических материалов, полученных в ходе изучения конкурсной деятельности, реализуемой на образовательном портале Intercllover, показал, что участие в конкурсах способствует расширению доступа к социальному и символическому капиталу [3; 7] для различных категорий участников. Конкурсы создают альтернативный канал общественного признания образовательных и профессиональных достижений, что особенно значимо для обучающихся и специалистов, не обладающих устойчивыми социальными связями или ресурсами продвижения в профессиональной среде.

Выявлено, что прозрачные процедуры участия и экспертной оценки снижают влияние социального происхождения [4; 5; 7] территориальной принадлежности и статуса образовательной организации на итоговые результаты. При наличии чётко сформулированных критериев оценивания конкурсные практики способствуют более справедливому распределению признания и позволяют фиксировать достижения, основанные на содержательном качестве работы, а не на внешних характеристиках участника.

Установлено также, что конкурсное участие оказывает положительное влияние на образовательные и профессиональные траектории участников. Полученные результаты и экспертные заключения используются при формировании индивидуальных портфолио [5; 9], выборе дальнейших направлений обучения и профессиональной специализации. Конкурсная деятельность способствует развитию навыков самопрезентации, исследовательской и проектной культуры, а также повышает уровень образовательной мотивации.

Отдельное внимание заслуживает выявленная интегративная функция конкурсных практик. В процессе участия формируются устойчивые горизонтальные и вертикальные связи между школьниками, студентами, педагогами и профессионалами, что способствует накоплению социального капитала и укреплению межпоколенческого взаимодействия. Данные процессы усиливают чувство включённости участников в образовательное и профессиональное сообщество и способствуют формированию доверия к институтам оценки и признания.

В совокупности полученные результаты позволяют утверждать, что конкурсные практики в образовании при ориентированности на развитие и поддержку участников выступают не только как форма выявления достижений, но и как социальный механизм, способствующий расширению возможностей социальной мобильности [3; 7; 9] и укреплению представлений о справедливости в образовательной среде.

Заключение (выводы)

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что конкурсные практики в сфере образования обладают значительным социальным потенциалом и могут рассматриваться как эффективный инструмент социальной мобильности и реализации принципа справедливости в современном обществе. В отличие от традиционных форм оценки образовательных достижений, конкурсные механизмы создают дополнительные каналы признания, расширяя пространство возможностей для участников с различным социальным и образовательным бэкграундом.

Установлено, что при условии открытости, прозрачности процедур и чёткости критериев оценивания конкурсы способны снижать влияние стартового неравенства и способствовать более справедливому распределению символического и социального капитала. В этом контексте конкурсные практики выступают не как инструмент исключения или селекции, а как пространство образовательного роста, самореализации и формирования профессиональной идентичности.

Анализ показал, что важной особенностью конкурсных практик является их многофункциональность. Они одновременно выполняют оценочную, мотивационную, профориентационную и интегративную функции, формируя устойчивые связи между различными субъектами образовательного процесса — обучающимися, педагогами и профессиональным сообществом. Такое взаимодействие усиливает социальную включённость участников и способствует укреплению доверия к институтам образования и экспертной оценки.

Рассмотренный эмпирический пример деятельности образовательного портала Intercllover демонстрирует, что конкурсные практики могут быть встроены в устойчивую образовательную экосистему, ориентированную на долгосрочное развитие человеческого капитала. Масштабируемость и социальная направленность подобных моделей позволяют рассматривать их как перспективное направление развития образовательной политики и практики в условиях трансформации общества.

В целом конкурсные практики в образовании следует рассматривать как значимый социальный механизм [4; 8], способствующий расширению равенства возможностей, поддержке социальной мобильности и формированию справедливой образовательной среды. Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом долгосрочных эффектов конкурсного участия, влияния цифровых форматов на справедливость оценивания, а также с межкультурным сравнением конкурсных моделей в различных образовательных системах.

Библиографический список

1. Абрамова М.А. Социальная справедливость в системе образования: теоретические и прикладные аспекты // Вопросы образования. — 2018. — № 4. — С. 32–49.
2. Асмолов А.Г. Образование как пространство социальных возможностей // Психологическая наука и образование. — 2015. — Т. 20, № 3. — С. 5–15.
3. Зборовский Г.Е. Избранное: 1972–2022. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2023. — 749 с.
4. Константиновский Д.Л. Неравенство в образовании: социальные механизмы и последствия // Социологические исследования. — 2012. — № 6. — С. 5–17.
5. Ржевский Д. Воспроизводство неравенства в российском образовании: состояние и перспективы исследований // Вестник Института социологии. — 2024. — Т. 15, № 1. — С. 215–235. — URL: <https://www.vestnik-isras.ru/article/960> (дата обращения: 28.12.2025).
6. Ржевский Д. Неравенство в системе образования: социологический аспект // Научный лидер. — 2023. — № 20 (118). — URL: <https://scilead.ru/article/4492-neravenstvo-v-sisteme-obrazovaniya-sotsiologi> (дата обращения: 28.12.2025).
7. Шабунова А.А., Соловьева Т.С., Ласточкина М.А. Социальная структура и мобильность в российском обществе : монография / под науч. рук. д-ра экон. наук, проф. В.А. Ильина. — Вологда : ИСЭРТ РАН, 2016. — 278 с. (оформление приведено к стандарту монографии)
8. Федеральный закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29.12.2012 (ред. действующая).
9. Education for Social Justice: Global Perspectives. — Paris : UNESCO Publishing, 2016. — 198 p.
10. Education at a Glance 2019: OECD Indicators. — Paris : OECD Publishing, 2019. — 460 p.
11. Intercllover. Материалы конкурсной деятельности и аналитические отчёты за 2017–2025 гг. — Неопубликованные материалы.

ЭКОНОМИКА (ВКЛЮЧАЯ СОЦИАЛЬНУЮ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНУЮ, ПОВЕДЕНЧЕСКУЮ, РЕГИОНАЛЬНУЮ ЭКОНОМИКУ)

УДК 331.5

Лазаревич И.М. Факторы кадрового потенциала Республики Беларусь

Factors of human resources potential of the Republic of Belarus

Лазаревич И.М.

к.э.н, доцент,
Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники,
г. Минск, Беларусь
Lazarevich I. M.
PhD, Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk, Belarus

Аннотация. Социально-экономическое развитие государства зависит от многих факторов, главным из которых является кадровый потенциал страны. Кадровый потенциал – это способность кадров эффективно решать стоящие перед ними текущие и перспективные задачи. Кадровый потенциал государства во многом зависит от эффективности реализации государственной кадровой политики, включая цели и задачи её достижения. Эффективное решение задач государственной кадровой политики возможно на основе выявления факторов и обоснования мер по минимизации их влияния. В статье обоснованы группы факторов и определены перспективные направления их совершенствования.

Ключевые слова: кадровый потенциал, государственная кадровая политика, факторы влияния, направления совершенствования.

Abstract. The socio-economic development of the state depends on many factors, the main one of which is the country's human resources potential. Human resources potential is the ability of personnel to effectively solve the current and future tasks facing them. The human resources potential of the state largely depends on the effectiveness of the implementation of state human resources policy, including the goals and objectives of its achievement. An effective solution to the problems of state personnel policy is possible through identifying factors and substantiating measures to minimize their impact. The article substantiates groups of factors (demographic, economic, technological, education, migration) and identifies promising areas for improvement.

Keywords: human resources potential, state human resources policy, influencing factors, areas for improvement.

Рецензент: Бюллер Елена Александровна – кандидат экономических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Адыгеский государственный университет»

Введение

Социально-экономическое развитие государства зависит от множества факторов, одним из которых является кадровый потенциал страны. Из-за имеющихся специфических особенностей у разных государств наблюдаются различные условия его формирования и результаты использования. Научно-технический прогресс, уровень оплаты труда определяют дисбаланс в спросе и предложении кадров по отраслям и

сферам деятельности. Глобализация и регионализация также способствовали усилению негативных процессов в международной трудовой миграции. В этой связи, учитывая то что Беларусь активно включена в международные экономические отношения и нуждается в высококвалифицированных кадрах, то целесообразно оценить факторы кадрового потенциала и определить перспективные направления его развития.

Материалы и методы

В Республике Беларусь 3 января 2024 г. был принят Указ Президента № 1 «О Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь». В соответствии с Концепцией «кадровый потенциал – способность кадров эффективно решать стоящие перед ними актуальные и перспективные задачи. Определяется численностью кадров, уровнем их образования, профессионально-квалификационной, половозрастной структурой, характеристиками трудовой, социально-патриотической, инновационной и творческой активности» ¹.

Термин кадровый потенциал чаще всего используется в отношении субъектов хозяйствования. Однако данное понятие можно применять в отношении и государства (как субъекта экономических отношений) и проводить его оценку в региональном разрезе: районный, областной, республиканский уровни, по отраслевому признаку, в разрезе должностей (ОКРБ 014-2017) и др.

Основными задачами государственной кадровой политики Республики Беларусь являются: вовлечение трудоспособного населения в трудовую деятельность; обеспечение качественного кадрового потенциала и удовлетворение потребностей общества в квалифицированных кадрах; эффективное использование трудовых ресурсов и их оптимальное распределение между отраслями и регионами страны; совершенствование системы подбора и расстановки кадров с учетом их квалификации, профессиональных и личностных качеств, а также работы с резервами кадров; мотивация эффективного труда, повышение профессионализма и компетентности работников; совершенствование форм и методов оценки кадров и результатов их деятельности; обеспечение правовых гарантий и создание условий для работы и профессиональной карьеры.

Эффективное решение задач государственной кадровой политики возможно посредством выявления существенных факторов влияния на кадровый потенциал и обоснования мероприятий по стимулированию факторов с положительным влиянием и минимизации негативного воздействия других.

На современном этапе развития кадровый потенциал Республики Беларусь сокращается. Так, среднесписочная численность работников за последние два

¹ О Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32400001>.

десятилетия сократилась более чем на 18% ². Количество активных предприятий-работодателей в динамике меняется неравномерно - с 2010 г. по 2014 г. их количество возросло на 24 тысячи, или на 32%, а с 2014 г. наблюдается уменьшение (за последнее десятилетие – на 7,5 тысяч). В целом, при сокращении численности трудоспособного населения количество предприятий за последние 13 лет приросло на 16 тысяч ³.

Рассмотрим основные группы факторов влияния на кадровый потенциал Республики Беларусь:

1. Демографические факторы:

а) сокращение общей численности населения. Как показал анализ, в последние десятилетия, по объективным причинам (смена циклов воспроизводства, COVID-19, глобализация и регионализация и др.), усилилось негативное воздействие на кадровый потенциал во всем мире. В Республике Беларусь в 2023 г. по сравнению с 2013 г. сокращение численности населения составило 241,8 чел. или 2,5%, за исключением г. Минска и Минской области, где наблюдалось увеличение численности на 4,8% и 3,2% соответственно. Сохранились прежними тенденции распределения населения по городской и сельской местности (78,4% – городское и 21,6% – сельское), половозрастная структура (46,2% – мужчины, 53,8% женщины), рисунок 1.

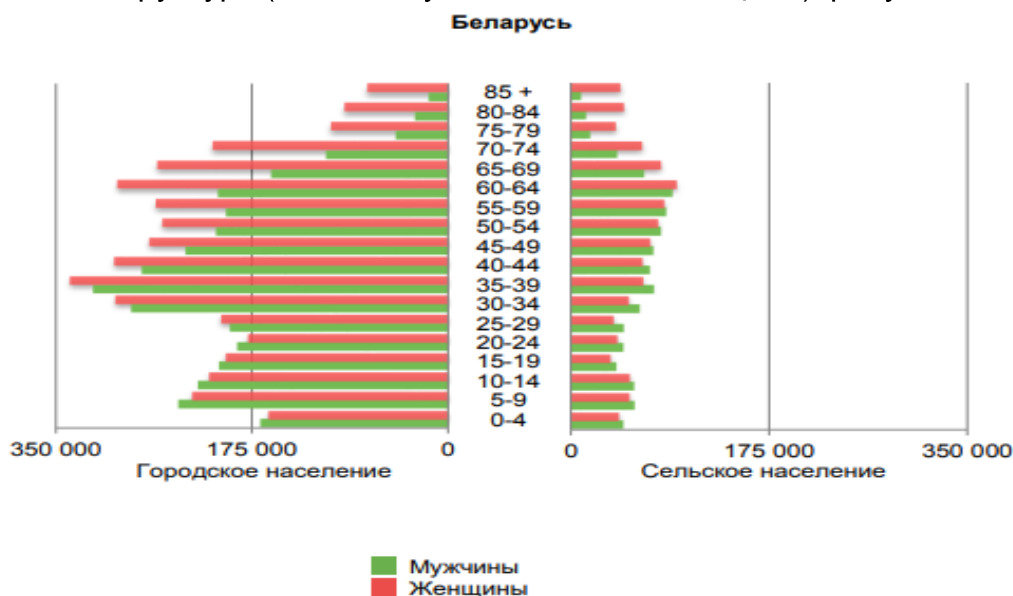

Рис.1. Численность и состав населения Беларуси на 01.01.2023⁴

² Численность и заработная плата работников Республики Беларусь в 2023 году. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/trud/ofitsialnye-publikatsii_7/index_96974/.

³ Статистические показатели активности предприятий. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/biznes-demografiya/godovye-dannye/statisticheskie-pokazateli-aktivnosti-predpriyatiy/>.

⁴ Демография в цифрах. Статистика Евразийского экономического союза, 2023. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/publications/newsletters_collections_booklets/demography.php.

Незначительный прирост населения 2017 г. по сравнению с 2013 г. на 0,3% был вследствие реализации социальных программ стимулирования рождаемости;

б) высокие темпы старения населения. В 2023 г. уровень старения составил 16,5%. Согласно классификации ООН, население считается старым, если доля людей 65 лет и старше в общей численности населения превышает 7%. В 2020 г. доля лиц 60 лет и старше – 29,5 %, 65 лет и старше – 20,1%, 80 лет и старше – 4,9%; индекс глубины старения – 0,247, индекс Биллетера – (-43,1), число женщин на 100 мужчин в возрастах 65 лет и старше – 202 [1];

в) низкий уровень воспроизводства населения. В структуре населения нетрудоспособная его часть старшего возраста занимает 23,5% (табл. 1).

Таблица 1.

Структура населения Республики Беларусь по критерию возможного участия в трудовой деятельности (2023 г.)

Категория	Численность, тыс. чел.	Уд. вес, %
Моложе трудоспособного	1637,8	17,8
Трудоспособное	5399,0	58,7
Старше трудоспособного	2163,7	23,5

Примечание: авторская разработка на основе: URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2024/naselenie_2024.pdf.

Суммарный коэффициент рождаемости в 2019 г. – 1,38 (при условной норме простого воспроизводства 2,1). Коэффициент потенциального замещения в 2023 г. составил 0,30, коэффициент пенсионной тяжести – 0,40, в свою очередь, коэффициент общей нагрузки на 1 работника – 0,70;

г) уровень вовлечения трудоспособного населения в трудовую деятельность. Доля задействованных работников в общей численности трудоспособного населения составляет 43%, остальные 57 % – неработающие трудоспособные граждане (студенты, призывники, лица в декретном отпуске и другие категории) с разным эффектом социально-экономической отдачи. Дополнительно численность работников в 2019 – 2023 гг. сократилась на 269,5 тыс. чел. или на 10,4%. Большее сокращение приходилось на г. Минск – 60 тыс. чел., все области республики имеют равномерное сокращение (33 тыс. чел.). В структуре распределения работников по регионам Республики Беларусь

наибольший удельный вес занимает г. Минск – 22,1%, Минская область – 15,9 %, наименьший – Могилевская область – 10,5%;

д) недостаточная возможность замещения лицами пенсионного возраста потребности в кадрах реального сектора экономики. На данный момент возраст выхода на пенсию у мужчин – 63 года, при ожидаемой продолжительности жизни в 2022 году – 69,2 года; у женщин – 58 и 79,3 года соответственно⁵. В среднем возраст жизни на пенсии у мужчин – 6,2 года, у женщин – 21,3 года. На основании приведенных данных можно сделать вывод о том, что мужчин, указанной категории, как трудовой резерв рассматривать нецелесообразно, а знания и навыки у большинства женщин с течением времени морально устаревают и их можно рассматривать только как резерв возможного замещения, в основном, низкоквалифицированного труда;

е) здоровье нации. При том, что Республика Беларусь показывает хорошие результаты в мировых рейтингах в сфере здравоохранения, имеются значительные показатели инвалидизации населения – в среднем около 50 тыс. случаев, впервые признанных инвалидами с 18 лет и старше в год, или 0,67% от численности населения трудоспособного возраста и старше трудоспособного⁶.

2. Миграция. Общемировые тренды миграционных процессов говорят о том, что в условиях глобализации наблюдаются, во-первых, их активизация по различным причинам; во-вторых, выделились государства-бенефициары и государства, теряющие свой кадровый потенциал вследствие усиления миграции.

В Республике Беларусь, по данным Национального статистического комитета (2019 г.), наблюдалось положительное внешнее сальдо (13870 чел.), коэффициент прибытия – 3,6 чел. на 1000 чел. населения, коэффициент выбытия – 2,2, коэффициент сальдо – 1,5. Эмигранты – в основном, высококвалифицированные специалисты, уехавшие по причине диспаритета в уровне оплаты труда; иммигранты – в основном неквалифицированные работники. При сложившейся демографической ситуации выбытие 20976 чел. можно считать значительным.

3. Образование. Структура распределения кадров неравномерная: наблюдается нехватка специалистов с профессионально-техническим образованием по рабочим специальностям. Связано с тем, что доля студентов высшего образования преобладает

⁵ Демография в цифрах. Статистика Евразийского экономического союза, 2023. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/union_stat/publications/newsletters_collections_booklets/demography.php.

⁶ Демографическая и социальная статистика. URL: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/rubric-info/1063066>

и составляет 57,4%, профессионально-техническое и среднее специальное образование – 15,2% и 27,4% соответственно ⁷.

При том что Республика Беларусь в рейтингах занимает лидирующие позиции по уровню образования населения, следует обратить внимание на то, что уровень знаний выпускников, заинтересованность в повышении квалификации снижаются. Также в перспективе может возникнуть нехватка в системе образования высококвалифицированного профессорско-преподавательского состава (с учеными степенями и званиями, опытных практиков, готовых передавать передовые знания и опыт). Значительная нагрузка на 1 преподавателя (в 2023/2024 учебном году в среднем – 13,2 студента на 1 преподавателя) не позволяет уделять внимание одаренным ребятам, развивая их способности.

Значимым фактором «рассеивания» кадров страны связан с тем, что не налажена тесная связь заказчиков кадров и учреждений образования, выпускающих их. Не в полной мере применяется конкурсная система отбора одаренных студентов-выпускников при их распределении. Отсутствие единой системы оценки эффективности использования молодых (особенно одаренных) специалистов, выпускников учреждений образования.

4. Экономические, в частности уровень оплаты труда работникам как один из важных факторов обеспечения устойчивого развития отдельного предприятия, отрасли и экономики страны в целом. Основным источником доходов в общем объеме денежных доходов населения Беларуси является заработная плата, а именно 65,8%. В состав остальных источников доходов населения относят: трансферты населению (пенсии, пособия, стипендии и другие трансферты населению) – 21,8%, доходы от предпринимательской и иной деятельности, приносящей доход, – 7,7%, доходы от собственности и прочие доходы – 4,7% ⁸.

К отрицательным эффектам можно отнести:

а) диспаритет уровня оплаты труда. Например, как в пределах одной отрасли, так и разрезе отраслей, регионов. Рассматривая номинальную заработную плату по видам экономической деятельности, можно сделать вывод о том, что максимальной уровень заработной платы превышает минимальный в 3 раза. Уровень оплаты труда работников, участвующих в производстве стратегически значимых товаров, услуг низкий

⁷ Образование. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/obrazovanie/>.

⁸ Об уровне денежных доходов населения в 2024 году. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/uroven-zhizni-naseleniya/denezhnye-dokhody-naseleniya/operativnye-dannye/press-reviz-ob-urovne-denezhnykh-dokhodov-naseleniya/>

(образование, сельское хозяйство, общественное питание, социальная сфера и др.). Уровень оплаты труда работникам в территориальном разрезе значительно отличается: высокие значения имеют г. Минск и Минская область, низкие – Витебская и Могилевские. Возникает диспаритет в уровне оплаты труда в зависимости от возраста, стажа работников, их уровня образования. По данным Белорусского статистического комитета (2024 г.) уровень оплаты высокий – в возрасте от 30 до 40 лет, низкий – свыше 60 лет, высокий при стаже работы от 5 до 10 лет, низкий – до 3 лет, с высшим образованием – высокий, общее базовое и специальное образование – низкий. Отклонение составляет около 50%. Наблюдается диспаритет в уровне оплаты труда и уровне цен со странами, являющимися бенефициарами от использования белорусских кадров (Польша, Литва, Германия и др.)

б) действующая система начисления заработной платы. Недостаточно применяются повышающие и понижающие коэффициенты зависимости от результатов работы персонала (молодых специалистов, работников бюджетной сферы и др.), что снижает мотивацию повышения эффективности труда работниками.

5. **Технологические**, в частности повышение требований к персоналу. Совершенствование бизнес-процессов (информатизация, роботизация и др.) субъектами различных видов экономической деятельности определяет потребность в высококвалифицированных кадрах, способных применять новейшие технологии, оборудование. В структуре работающих преобладают специалисты среднего и старшего возраста, большая часть которых не мотивированы применять в профессиональной деятельности новации, постоянно повышать свои компетенции. Вследствие чего в процессе наставничества работники передаются молодым специалистам не в полной мере актуальные знания, востребованные рынком.

Заключение

С целью повышения эффективности кадровой политики Республики Беларусь целесообразно рассмотреть возможность реализации следующих направлений ее совершенствования: корректировка государственной социальной политики; разработка и внедрения методики оценки труда, учитывающей разнообразие факторов современного трудового окружения; усовершенствование механизма начисления мотивационных надбавок к заработной плате в зависимости от индивидуального участия работника в хозяйственной деятельности организации; разработки методики оценки эффективности использования молодых специалистов заказчиками кадров и др.

Библиографический список

1. Калабина Е. Г. 2022. Особенности демографического старения населения в Беларуси, Казахстане и России / Е. Г. Калабина, М. Р. Газизова // Глобальные вызовы демографическому развитию: сборник научных статей в 2-х томах. Т. II. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. С. 183-196.

УДК 33

Садловский Р.Е. Стратегический выбор продукта как ключевой фактор устойчивости бизнеса: экономико-методологический анализ на примере индустриальных строительных технологий

Strategic product selection as a key factor for business sustainability: an economic and methodological analysis based on the example of industrial construction technologies

Садловский Руслан Евгеньевич

ООО "Каркасные Строительные Технологии"

г.Сургут, Россия

Sadlovsky Ruslan Evgenievich

"Frame Construction Technologies" LLC

Surgut, Russia

Аннотация. В статье рассматривается стратегический выбор продукта как базовое экономическое решение, определяющее долгосрочную устойчивость бизнеса, его масштабируемость и способность к экономической адаптации в условиях рыночной волатильности и институциональной неопределённости. В исследовании используются методы системного анализа, сравнительной экономической оценки, анализа совокупной стоимости жизненного цикла и кейс-ориентированного эмпирического анализа, основанного на практике реального внедрения. Эмпирическая база сформирована на основе реализации индустриальных строительных проектов с применением Модульных систем и Конструкционных бетонных сэндвич-панель (SCIP). Полученные результаты свидетельствуют о росте производительности труда на 40–50 %, сокращении продолжительности возведения несущего контура до 3–4 дней на объект и снижении совокупной стоимости владения до 45 % за счёт повышения энергоэффективности и сокращения эксплуатационных затрат. Сделан вывод о том, что архитектура продукта формирует исходные условия устойчивой конкурентоспособности и предшествует таким факторам, как распределение капитала, маркетинговая стратегия и организационный дизайн, при определении долгосрочной экономической жизнеспособности бизнеса.

Ключевые слова: стратегический выбор продукта, устойчивость бизнеса, индустриальное строительство, экономическая эффективность, жизненный цикл продукта, масштабируемость бизнеса.

Abstract. This study examines strategic product selection as a foundational economic decision shaping long-term business sustainability, scalability, and resilience in environments characterized by market volatility and institutional uncertainty. The research employs systems analysis, comparative economic assessment, lifecycle cost evaluation, and case-based empirical analysis grounded in real-world implementation. The empirical material is derived from industrialized construction projects utilizing prefabricated systems and Structural Concrete Insulated Panel (SCIP) technologies. The findings indicate a 40–50% increase in labor productivity, a reduction of the structural construction cycle to 3–4 days per project, and a decrease in total cost of ownership of up to 45% due to improved energy efficiency and reduced maintenance requirements. The results support the conclusion that product architecture establishes the primary conditions for sustainable competitive performance, preceding capital allocation, marketing strategy, and organizational design in determining long-term economic viability.

Keywords: strategic product selection, business sustainability, industrialized construction, economic efficiency, product lifecycle, business scalability.

Рецензент: Бюллер Елена Александровна – кандидат экономических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Адыгеский государственный университет»

1. Введение.

Современные экономические системы функционируют в условиях возрастающей неопределенности, обусловленной структурным дефицитом рабочей силы, ускоренными технологическими изменениями, усложнением регуляторной среды и ростом стоимости капитала. В таких условиях традиционные инструменты конкурентной борьбы - доступ к финансированию, интенсивность маркетинга и краткосрочная операционная оптимизация - утрачивают способность обеспечивать долгосрочную устойчивость бизнеса [6]. Это требует переосмысления базовых экономических решений, принимаемых еще до выхода на рынок и распределения капитала.

Исследования в области стратегического управления и предпринимательства показывают, что значительная часть бизнес-неудач возникает на начальном этапе формирования предприятия, прежде всего на стадии выбора продукта [5]. Эмпирические и методологические работы подтверждают, что структурные характеристики продукта определяют его себестоимость, масштабируемость, степень зависимости от институциональных ограничений и долгосрочную устойчивость организации [1, 2]. В связи с этим выбор продукта следует рассматривать не как маркетинговое решение, а как системное экономическое решение с длительными последствиями.

С точки зрения прикладной экономики продукт выступает интегрирующим элементом, объединяющим технологическую реализуемость, ресурсные требования, регуляторное соответствие и потребительскую ценность. Ошибочный выбор продукта не может быть полностью компенсирован последующими финансовыми инвестициями или изменениями в системе управления. Напротив, продукт, изначально спроектированный с учетом эффективности, долговечности и адаптивности, способен формировать устойчивые конкурентные преимущества даже в неблагоприятных рыночных условиях [3].

Строительная отрасль представляет собой наглядный пример для анализа экономических последствий продуктового выбора. Она характеризуется высокой капиталоемкостью, длительным жизненным циклом активов, высокой зависимостью от наличия рабочей силы и жестким регуляторным контролем. Продуктовые решения, такие как выбор между традиционным строительством на площадке и индустриальными строительными системами, оказывают существенное влияние на производительность, уровень рисков и совокупные издержки жизненного цикла [7].

Цель настоящего исследования - обосновать роль стратегического выбора продукта как ключевого фактора устойчивости бизнеса на примере индустриальных строительных технологий. В работе показано, что именно архитектура продукта, а не последующая оптимизация процессов, является определяющим источником долгосрочной экономической устойчивости.

2. Объекты и методы исследования.

Объектом исследования являются предприятия, осуществляющие деятельность в сфере индивидуального и малоэтажного коммерческого строительства. Предметом исследования является экономическое влияние продуктового выбора на устойчивость бизнеса, оцениваемое через показатели производительности, трудоемкости, оборачиваемости капитала и совокупной стоимости владения.

Методологическая база исследования включает системный анализ, сравнительную экономическую оценку и анализ совокупной стоимости жизненного цикла. Такой подход позволяет рассматривать выбор продукта как системное экономическое решение, а не как изолированный управленческий акт [8]. В работе применяется сравнительный анализ традиционных строительных моделей и индустриальных строительных технологий.

Эмпирическую основу исследования составляет практический опыт автора по созданию, внедрению и масштабированию строительных предприятий, использующих Модульное Строительство и Конструкционную бетонную сэндвич-панель (SCIP). Эти технологии анализируются как продуктовые решения, а не как отдельные процессные инновации. Такой подход соответствует методологическим рекомендациям, предполагающим оценку продукта на всех этапах жизненного цикла - от производства до эксплуатации и потребительской ценности [4].

Сравнительный экономический анализ проводится по следующим ключевым показателям:

- трудоемкость и зависимость от рабочей силы;
- продолжительность строительного цикла;
- скорость оборачиваемости капитала;
- эксплуатационные и ремонтные затраты;
- совокупная стоимость владения объектом.

Дополнительно применяется качественный анализ институциональных и регуляторных факторов, влияющих на жизнеспособность продукта, включая требования нормативного соответствия, экологические стандарты и региональные особенности рынка труда. Совмещение количественных и качественных методов

обеспечивает комплексную оценку продуктового выбора как фактора устойчивости бизнеса.

3. Экспериментальная часть.

3.1 Архитектура продукта как экономическая переменная.

Экспериментальная часть исследования основана на сравнительном анализе двух принципиально различных архитектур продукта в строительной отрасли: традиционного строительства на площадке и промышленных систем, использующих prefab-элементы и SCIP-панели. В отличие от лабораторных экспериментов, данное исследование представляет собой прикладной экономический эксперимент, основанный на реальной предпринимательской практике и многократных проектных циклах.

Традиционные строительные методы предполагают поэтапную сборку объекта на строительной площадке, с высокой зависимостью от квалификации рабочих, фрагментированных поставок материалов и воздействия внешних факторов. В этой модели продукт формируется в процессе строительства, а его итоговое качество во многом определяется условиями выполнения работ, а не заложенными проектными характеристиками.

Промышленные строительные технологии принципиально переопределяют продукт. SCIP-панели представляют собой композитные элементы, объединяющие несущую способность, теплоизоляцию и ограждающие функции в одном инженерном решении, изготовленном в заводских условиях. С экономической точки зрения это смещает создание добавленной стоимости со строительной площадки на этапы проектирования и производства, снижая неопределенность и вариативность результатов [7].

3.2 Экспериментальный дизайн.

Экспериментальная модель основана на длительном наблюдении и сравнительном анализе строительных проектов, реализованных с применением как традиционных, так и промышленных продуктовых решений. Анализ проводился по следующим параметрам:

- время возведения несущего контура;
- количество трудочасов на квадратный метр;
- отклонения от плановых сроков строительства;
- эксплуатационные показатели после ввода объекта;
- частота корректирующих вмешательств на раннем этапе эксплуатации.

Сравнение осуществлялось при сопоставимых внешних условиях, включая нормативно-правовую среду, климатические факторы и требования конечных пользователей. Такой подход позволяет изолировать продуктовый фактор от внешних воздействий и рассматривать выбор продукта как самостоятельную экономическую переменную.

3.3 Рабочая гипотеза.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что архитектура продукта оказывает более сильное влияние на эффективность процессов и долгосрочную экономическую устойчивость, чем последующие управленческие или финансовые решения. Предполагается, что индустриальные строительные продукты характеризуются:

- более низкой зависимостью от рабочей силы;
- сокращенными сроками строительства;
- повышенной предсказуемостью результатов;
- лучшими показателями совокупной экономической эффективности жизненного цикла.

Данная гипотеза согласуется с системными экономическими моделями, подчеркивающими приоритет структурных проектных решений в формировании организационной результативности [6].

4. Результаты.

4.1 Производительность и продолжительность строительного цикла.

Результаты сравнительного анализа демонстрируют выраженное преимущество индустриальных строительных продуктов по показателям производительности и скорости реализации проектов. В проектах, реализованных с применением индустриальных систем на основе Конструкционной бетонной сэндвич-панели (SCIP), продолжительность строительного цикла несущего контура сокращалась на 40 - 50 % по сравнению с традиционным строительством на площадке. В ряде случаев монтаж конструктивной части здания занимал 3 - 4 дня, тогда как при традиционных методах аналогичный этап требовал нескольких недель.

Сокращение сроков строительства сопровождалось пропорциональным снижением трудоёмкости. Количество трудочасов на квадратный метр существенно уменьшалось за счёт переноса основной части работ в заводские условия и стандартизации операций. Это приводило к снижению зависимости от квалифицированной рабочей силы на строительной площадке, что имеет критическое значение в регионах с хроническим дефицитом кадров.

Сравнительные показатели производительности, трудоёмкости, продолжительности строительного цикла и предсказуемости себестоимости представлены в Таблице 1, которая наглядно отражает различия между традиционным и индустриальным строительным продуктом.

Таблица 1

Сравнительная экономическая характеристика традиционного и индустриального строительного продукта

Показатель	Традиционное строительство на площадке	Индустриальное строительство (SCIP)
Трудоёмкость	Высокая, ручной труд на площадке	Низкая, заводская стандартизация
Продолжительность строительного цикла	3–6 месяцев	3–4 дня (несущий контур)
Производительность труда	Базовый уровень (100%)	+40–50%
Оборачиваемость капитала	Низкая	Ускоренная
Энергоэффективность	Стандартная	До +45%
Эксплуатационные затраты	Регулярные, трудоёмкие	Минимальные
Срок службы объекта	50–70 лет	500+ лет
Зависимость от погодных условий	Высокая	Низкая
Предсказуемость себестоимости	Средняя–низкая	Высокая

Источник: составлено автором на основе эмпирического анализа реализованных проектов.

4.2 Структура затрат и оборачиваемость капитала.

Сокращение продолжительности строительного цикла оказывало прямое влияние на финансовые показатели предприятий. Уменьшение времени реализации проектов снижало период замораживания капитала, ускоряло поступление выручки и повышало устойчивость денежных потоков. Это, в свою очередь, снижало чувствительность бизнеса к колебаниям процентных ставок и рискам удорожания заёмного финансирования.

Заводской характер производства индустриальных строительных продуктов обеспечивал более точный контроль затрат и сокращение материальных потерь. В отличие от традиционного строительства, где отклонения фактической себестоимости от плановой являются распространённым явлением, индустриальные технологии демонстрировали высокую степень бюджетной предсказуемости. Подобные эффекты ранее отмечались в международных исследованиях, посвящённых индустриальным строительным системам [6].

4.3 Совокупная стоимость жизненного цикла и эксплуатационные показатели.

Анализ совокупной стоимости жизненного цикла показал, что здания, возведённые с использованием SCIP-технологии, обладают значительно более низкими эксплуатационными затратами. Снижение энергопотребления достигало 45 % по сравнению с базовыми показателями традиционных зданий, что объясняется высокой теплоизоляционной эффективностью и герметичностью конструктивных элементов [8].

Дополнительным экономическим преимуществом выступала долговечность композитных бетонных систем. Снижение частоты ремонтных и восстановительных работ уменьшало эксплуатационные расходы и увеличивало фактический срок службы объектов. В совокупности эти факторы улучшали показатели общей стоимости владения для конечных пользователей, повышая рыночную привлекательность продукта.

4.4 Снижение рисков и устойчивость бизнес-процессов.

Качественный анализ выявил существенные различия в уровне операционных рисков. Проекты традиционного строительства в большей степени подвергались влиянию погодных условий, перебоев в поставках и нехватки рабочей силы. В индустриальной модели значительная часть этих рисков нивелировалась за счёт стандартизации, заводского производства и сокращения объёма работ на площадке.

Как следствие, предприятия, использующие индустриальные строительные продукты, демонстрировали более высокую точность планирования и меньшую вариативность результатов. Снижение неопределённости положительно влияло на устойчивость бизнеса, уменьшая управленческую нагрузку, связанную с кризисным реагированием.

5. Обсуждение

Полученные результаты подтверждают, что стратегический выбор продукта является фундаментальным экономическим решением, формирующим долгосрочную устойчивость бизнеса. В отличие от операционных или маркетинговых стратегий, которые могут корректироваться в процессе деятельности, архитектура продукта задаёт устойчивые ограничения и возможности развития предприятия.

Сравнительный анализ традиционного и индустриального строительства показывает, что рост производительности, снижение издержек и уменьшение рисков обусловлены не только качеством управления, но и внутренними характеристиками продукта. Этот вывод согласуется с теориями стратегического управления, подчёркивающими роль структурных решений в формировании устойчивых конкурентных преимуществ [5].

Индустриальные строительные технологии следует рассматривать как качественно иной тип продукта, а не как поэтапное усовершенствование существующих процессов. Перенос создания добавленной стоимости со строительной площадки на стадии проектирования и производства снижает зависимость от нестабильных внешних факторов, таких как погодные условия и рынок труда. Это повышает воспроизводимость результатов и масштабируемость бизнеса, что особенно важно для капиталоемких отраслей [7].

С институциональной точки зрения, индустриальные продукты демонстрируют более высокую адаптивность к регуляторным требованиям. Повышенная энергоэффективность, предсказуемость качества и соответствие экологическим стандартам упрощают соблюдение нормативных требований в условиях ужесточения государственной политики в сфере устойчивого развития [6]. Обобщённое влияние архитектуры продукта на показатели устойчивости бизнеса представлено в Таблице 2.

Таблица 2

Влияние архитектуры продукта на показатели устойчивости бизнеса

Показатель устойчивости	Экономический эффект продуктового решения
Зависимость от рабочей силы	Снижение за счёт стандартизации
Операционные риски	Сокращение благодаря заводскому производству
Регуляторная адаптивность	Повышение предсказуемости соответствия нормам
Стабильность денежного потока	Улучшение за счёт сокращения циклов
Масштабируемость бизнеса	Обеспечивается модульным воспроизводством
Экологические показатели	Улучшение по всему жизненному циклу
Управленческая нагрузка	Снижение кризисного управления

Источник: аналитическое обобщение автора.

Ключевым следствием проведённого анализа является вывод о том, что многие бизнес-неудачи, традиционно объясняемые дефицитом финансирования или неблагоприятной рыночной конъюнктурой, на практике обусловлены ошибочным выбором продукта. В таких случаях управленческие решения выполняют компенсирующую функцию, не обеспечивая долгосрочного роста. Напротив, корректно выбранный продукт изначально встраивает устойчивость в бизнес-модель, снижая потребность в компенсаторных мерах.

6. Заключение.

Проведённое исследование показывает, что стратегический выбор продукта является ключевым фактором устойчивости бизнеса и превосходит по своей долгосрочной значимости такие элементы, как структура капитала, маркетинговая

стратегия и организационный дизайн. На примере индустриальных строительных технологий продемонстрировано, что продукты, интегрирующие конструктивную эффективность, долговечность и ценность на протяжении всего жизненного цикла, обеспечивают более высокие экономические результаты.

Полученные данные свидетельствуют о том, что индустриальные строительные продукты позволяют увеличить производительность труда на 40 -50 %, сократить продолжительность строительного цикла до 3 - 4 дней и снизить совокупную стоимость владения объектом до 45 % за счёт повышения энергоэффективности и уменьшения эксплуатационных затрат. Эти эффекты способствуют ускорению оборачиваемости капитала, снижению операционных рисков и укреплению конкурентных позиций предприятий.

С экономической точки зрения результаты подтверждают, что именно архитектура продукта определяет реализуемость устойчивого развития бизнеса. Для компаний, ориентированных на долгосрочную стабильность, выбор продукта должен рассматриваться как базовое стратегическое решение на этапе формирования бизнес-модели. Перспективы дальнейших исследований связаны с применением данного подхода к анализу других капиталоемких отраслей, включая промышленное производство, энергетическую инфраструктуру и логистические системы.

Библиографический список

1. Кулагина В. А. Методологические аспекты разработки маркетинговой стратегии // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 1. С. 54–58.
2. Абабкова М. Ю. Аспекты формирования продуктовой стратегии организации // Теория и практика сервиса. 2010. № 1(3). С. 67–73.
3. Садловский Р. Е. The Product Always Decides: Why Most Startups Fail Before They Start, 2024, ISBN 979-8-9911152-3-0.
4. Морев Е. А. Современные методы разработки продукта в условиях изменчивости рынка // Стратегии бизнеса. 2021. Т. 9. № 9. С. 271–275.
5. Porter M. The five competitive forces that shape strategy // Harvard Business Review. 2008.
6. OECD. Business Models for the Circular Economy. OECD Publishing, 2020.
7. World Economic Forum. Shaping the Future of Construction: A Breakthrough in Mindset and Technology. 2016.
8. International Energy Agency. Energy Efficiency. 2022.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ (ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА)

УДК 323.2

Абрамов В. К. Перестройка работы органов госбезопасности Мордовии в годы второй мировой войны

Restructuring of the work of the state security agencies of Mordovia during the Second World War

Абрамов В. К.

Доктор исторических наук, профессор,
Руководитель ведущей научной школы
«История и культура Мордовии и мордовского народа»,
г. Саранск, Республика Мордовия
Abramov V.K.

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Leading Research School

"History and Culture of Mordovia and the Mordvin People," Saransk, Republic of Mordovia

Аннотация. В статье описывается радикальная смена основных направлений функционирования органов госбезопасности Мордовской республики в годы Второй мировой войны. Показано, как по сравнению с 1930-и гг., когда главной их задачей был поиск т. н. «врагов народа», с началом войны и особенно в 1941-1945 гг. органы занимались, в основном, своей прямой обязанностью: способствовали укреплению производственной дисциплины, боролись с дезертирством, диверсантами, уголовными и экономическими преступлениями. Делается вывод, что позитивная и негативная составляющие их работы прежде всего определялись политикой центральной власти.

Ключевые слова: НКВД, репрессии, трансформация, борьба, дезертирство, саботаж, диверсии, криминалитет.

Abstract. This article describes the radical shift in the primary functions of the state security agencies of the Mordovian Republic during World War II. It demonstrates how, compared to the 1930s, when their primary task was to search for so-called "enemies of the people," at the beginning of the war, and especially from 1941 to 1945, these agencies focused primarily on their primary responsibilities: strengthening industrial discipline and combating desertion, sabotage, and criminal and economic crimes. It concludes that the positive and negative aspects of their work were primarily determined by central government policy.

Keywords: NKVD, repression, transformation, struggle, desertion, sabotage, subversion, criminality.

Рецензент: Монгуш Алла Лоспановна – кандидат юридических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Тувинский государственный университет»

Государственное управление во время войны для любой страны становится важнейшим фактором победы и даже выживания. Особое значение при этом обретают ее средства защиты — вооруженные силы и органы госбезопасности. СССР во Второй мировой войне, в тяжелых условиях, продемонстрировал единство и прочность фронта

и тыла, вклад в дело победы всех народов, регионов и учреждений, перестроивших свою деятельность согласно военной обстановке. Это касалось и органов госбезопасности Мордовской АССР. Для сравнения методов и результатов работы этих органов до и во время Второй мировой войны необходимо предварительно рассмотреть их деятельность в 1930-е гг. Для аграрной Мордовии важнейшим направлением «построения социализма» явилась социализация сельского хозяйства, проводимая в форме сталинской коллективизации. 17 ноября 1929 г. ЦК ВКП(б) во главе с И. В. Сталиным принял резолюцию «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства», в которой утверждалось, что начался спонтанный переход к сплошной коллективизации районов и округов, и выдвигалась задача сплошной коллективизации отдельных областей. 5 января 1930 г. она была дополнена постановлением ЦК «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», объявлявшим «крутой поворот от политики ограничения кулачества к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации» и устанавливавшим временные рамки для последней по различным зонам. На Средней Волге ее предусматривалось закончить в основном осенью 1930 г.⁹ В полной мере сознавая репрессивный характер акции, в преддверии многочисленных арестов и раскулачиваний, партийная верхушка предельно упростила механизм репрессий и практически отменила судебные процедуры. Как известно, приговоры тем, кто признавался «классово-враждебным элементом», выносили так называемые тройки в составе первого секретаря райкома, председателя райисполкома и начальника местного ОГПУ. Основным инструментом коллективизации наряду с партийными органами должен был служить аппарат ОГПУ во главе с В. Р. Менжинским, затем Г. Г. Ягодой. Выполняя распоряжения высших партийных органов ОГПУ в Мордовии, провел превентивные репрессии, в ходе которых только с 1 января по 1 апреля 1930 г. было арестовано 2 363 человек¹⁰. Анализ социального состава арестованных и осужденных, в т. ч. на высылку из автономии, свидетельствует, что весной 1930 г. ОГПУ не столько занимался «ликвидацией кулачества как класса» сколько забирал без разбора всех, в ком мог усмотреть потенциальных противников «сплошной коллективизации». Десятки тысяч людей лишались избирательных прав. Аресты производились по квотам, спущенным сверху и спискам, намеченным местными функционерами. Делались они и с целью вербовки осведомителей. В частности, так

⁹ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1925-1939). Ч. 2. М., 1941. С. 374, 381, 389, 390.

¹⁰ Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. Р-238. Оп. 11. Д. 46. Л. 104; Д. 36. Л. 117).

планировалось завербовать 30 чел.: 22 «нелишенца» и 8 «лишенцев» (избирательных прав). В начале 1930 г. было осуществлено первое выселение целых семей. Сначала было запланировано выселение 1200 семей общей численностью 8400 человек, для чего было подготовлено 11 эшелонов, однако массовое возмущение крестьян остановило этот процесс. В итоге за кампанию 1930 г. двумя эшелонами было выслано 317 семей. Их отправили в Северный край¹¹. В 1932 г. принудительное массовое выселение было несколько ограничено, но продолжалось до войны. Репрессии, так сказать «на законных основаниях», которыми сопровождалась коллективизация на местах, дополнялись огромным количеством злоупотреблений с целью наживы, сведения личных счетов, удовлетворения разнообразных низменных чувств исполнителей, что нередко было следствием их низкого интеллектуального и нравственного уровня, так как чаще всего приказы о раскулачивании и выселении односельчан исполняла наименее культурная часть деревни.

Массовые репрессии, стравливание бедных и зажиточных крестьян, колхозников и единоличников, активная пропаганда уже в 1931–1935 гг. произвели коренной перелом в социально-политическом состоянии мордовской деревни. В колхозах оказалась большая часть крестьянства, ими были охвачены почти все села Мордовии, однако план коллективизировать 95 процентов крестьянских хозяйств к концу первой пятилетки (1928–1932 гг.) оказался нереальным и для 1939 г. У единоличников была отобрана практически вся земля, но, даже по официальным данным, 12 процентов из них, несмотря на все репрессии, страх ареста и выселения, непомерные налоги и т. д., предпочли остаться вне колхоза. С 1930 по 1939 г. Мордовия лишилась более 30 тыс. крестьянских хозяйств, в условиях, когда шло их интенсивное разделение. Это было вызвано как принудительным выселением, так и бегством крестьян из деревни и из автономной области (с 1934 г. республики). Из анализа документов и статистических данных следует однозначный вывод, что коллективизация стала основной причиной резкого уменьшения численности крестьян в Мордовии. При этом из деревни «изымалась» лучшая часть крестьянства. Ведь зажиточность в условиях общины была чуть ли не единственным способом реализовать незаурядные умственные и физические качества ее членов, их высокий энергетический потенциал. Выселялись также те, кто был способен на сопротивление, на чувство собственного достоинства. Поэтому аресты, раскулачивания и выселения, сопровождавшие коллективизацию, нанесли непоправимый урон генофонду крестьянства.

¹¹ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Мордовия (АУФСБ РФ по РМ). Д. 13-2. Л. 8-9, 92, 122-123.

Кроме коллективизации, еще одним наиболее трагическим явлением, оказавшим негативное влияние на жизнь Мордовской автономии, стал сталинский террор второй половины 1930-х гг. Массовые аресты и казни, вслед за крестьянами, «нэпманами и буржуазными специалистами» захватили представителей партийных и государственных органов, науки, литературы, искусства, что практически уничтожило в Мордовии высший слой национальной интеллигенции. СССР переходил от диктатуры партии к единоличной диктатуре Сталина. Этот удар по остаткам уже внутрипартийной демократии осуществлялся в условиях, «всенародного обсуждения и принятия» демократичной Конституции 1936 г., гарантировавшей гражданам широкие права и свободы и в тоже время — совершенно патологической нетерпимости властей к малейшему инакомыслию. Как известно, Президиум ЦИК СССР принял постановление о порядке рассмотрения обвинений в подготовке или совершении террористических актов. На следствие по этим делам отводилось не более 10 дней, они рассматривались без прокурора и адвоката. Обжалование и помилование не допускались. Приговоры к высшей мере наказания приводились в исполнение немедленно. В 1937 г. действие этого постановления было распространено на дела о вредительстве и диверсиях. Максимальный срок за государственные преступления повышался с 10 до 25 лет. Дела по политическим обвинениям вообще стали рассматриваться во внесудебном порядке, при этом приговоры, в том числе с применением высшей меры наказания, могли объявляться целыми списками.

Численность репрессированных в этот период в Мордовии пока определяется примерно в 18–20 тыс. чел. Что же касается всего мордовского народа, то его потери в 1930-е гг. и особенно во второй их половине точно подсчитать оказалось невозможно. При этом необходимо подчеркнуть, что основной его ареал — Средне-Волжский край — относился к наиболее пострадавшим регионам, таким как Ленинградская область, Украина и др. По данным Д. А. Волкогонова, здесь в 1937 г. почти в половине райкомов ВКП(б) оставалось лишь по 2–3 чел. в то время, как только бюро каждого райкома должно было по уставу включать 7–9 чел. и 3 секретарей. Такое положение даже сталинским окружением было признано чрезвычайным¹².

Коллективизация, казни 1937–1939 гг. и вызванная ими массовая миграция привели к катастрофическим последствиям. С 1931 г. началось быстрое уменьшение до того возраставшего населения. К 1939 г. оно абсолютно сократилось с 1,43 млн. до 1,19 млн. человек или на 240 тыс. При этом жителями Мордовии официально числилось до

¹² Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 382.

40 тыс. заключенных и охраны здешних лагерей. С учетом же естественного прироста прямые потери населения автономии составили около 400 тыс. человек, одновременно доля мордовского населения сократилась с 40 процентов в 1930 г до 34 процентов в 1939 г. Это сокращение также стало прямым следствием целенаправленных репрессий. Такой деградации в этот период не испытала больше ни одна автономия Поволжья. Эти колоссальные утраты носителей мордовского национального самосознания усугублялись коренной ломкой всей обычной среды их обитания. Был разрушен складывавшийся тысячелетиями хозяйственный уклад жизни, традиционные представления о морали, различными способами вывезена за пределы коренного района и разбросана по всей стране наиболее жизнеспособная часть мордовского народа, что нанесло разрушительный удар по его генофонду, запасу жизненных сил.

Менее заметными, но не менее разрушительными явились социально-политические и морально-психологические последствия репрессий. Проведение карательных акций параллельно со строительством мордовской государственности, под формальным руководством мордовских деятелей и демагогическим прикрытием «коренизации аппарата», «развития национальной культуры» и т. п. во много дискредитировало национальную идею как в мордовской, так и местной русской среде, породило многие проблемы межнационального сосуществования в республике. Оставшиеся после репрессий 1930-х гг. национальные кадры управления, в основном, были представлены интеллектуально и нравственно малоразвитыми, на всю жизнь напуганными людьми, пренебрежительно относившимися к истории, языку и культуре своего народа. В рамках, сложившейся в стране, командно-административной системы бюрократический аппарат Мордовии формировал традиции национал-нигилизма в своей среде, активно внедрял их в общественное сознание, воспроизводил последующие поколения бюрократов по образу и подобию своему. После репрессий мордовская автономия не только не выполняла своей главной функции, ради которой была организована — создания оптимальных условий для развития мордовского народа, но даже способствовала его политической и психологической дезинтеграции, делала практически беспомощным перед бессистемным и разрушительным выкачиванием из его среды людских и материальных ресурсов¹³.

Следует подчеркнуть, что, борясь с т. н. «врагами народа» органы своими репрессиями сами готовили их. Количество людей, которых ОГПУ, а затем НКВД относил к антисоветским элементам, постоянно росло, причем за счет тех групп

¹³ Абрамов В. К. Мордовское национальное движение. Саранск, 2007. С. 112-113.

населения, которые партийное руководство традиционно считало своей социальной базой. Если в 1930 г. после первой неудачной попытки сплошной коллективизации в Мордовии к антисоветчикам относилось 490 чел., в том числе 250 бывших жандармов и бывших агентов полиции, 25 бывших офицеров белых армий, 169 членов бывших участников антибольшевистских восстаний и т. д., то в 1939 г. после «изъятия» десятков тысяч «кулаков и врагов народа» на учете НКВД состояли уже 6 021 чел. из «антисоветского элемента, преимущественно крестьян и рабоче-крестьянской интеллигенции»¹⁴. Коллективизация, выселение, раскулачивание, аресты, казни и одновременно увеличение партийно-бюрократического и репрессивного аппарата не только привели к уничтожению и подавлению лучшей части народа, но и продуцировали действительных противников режима из тех, кто раньше был его защитником. Социализм начинал пожирать сам себя. В этом аспекте известное сталинское выражение, что с развитием социализма классовая борьба обостряется, звучало вполне справедливо.

К концу 1930-х гг. репрессивные меры НКВД, перестали давать эффект, когда дело касалось организации работ. Некомпетентность, боязнь ответственности новых кадров, приходящих на смену более квалифицированным предшественникам, буквально парализовывали их волю и инициативу, что крайне отрицательно сказывалось на всей системе управления в республике. Хаос в общественной жизни, вызванный деятельностью НКВД, в преддверии войны с Германией, как известно, вынудил сталинское руководство ослабить репрессии. В марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) их главным виновником был объявлен Н. И. Ежов, которого сменил Л. П. Берия. В свою очередь репрессировались кадры Ежова на местах. В Мордовии за фабрикацию политических дел, выбивание фальсифицированных показателей пытками и другие «перегибы» 17 сотрудников Мордовского НКВД во главе с наркомом Н. В. Красовским были отданы под суд, в т. ч. пятеро из них приговорены к расстрелу. Репрессии ещё продолжались, но носили более ограниченный характер¹⁵. Подобный процесс шел по всей стране.

На дальнейшее ослабление репрессий повлияли итоги Советско-Финляндской войны 1939/40 г. Почти пятикратная разница в безвозвратных потерях, не смотря на колоссальное превосходство Красной армии в численности, техническом обеспечении и вооружении, многими отечественными и большинством зарубежных исследователей

¹⁴ Абрамов В.К. История мордовского народа. XX век (1897-2010). М.: Политическая энциклопедия, 2025. С. 290.

¹⁵ Там же. С. 329.

объясняется, главным образом, низким уровнем командования в советских частях и соединениях¹⁶, что явилось прямым следствием сталинских репрессий, когда только за 1937 и до сентября 1938 г. было арестовано до 40 тыс. опытных командиров Красной армии и ВМФ. По сведениям отечественных историков НКВД уничтожил вдвое больше советских полководцев, чем их погибло в Великой Отечественной, практически, во всей Второй мировой войне¹⁷, что не могло не сказаться отрицательно на всех уровнях военной организации.

В трудах отечественных и зарубежных историков справедливо говорится, что неожиданные итоги этой войны в значительной мере изменили как внутреннюю, так и внешнюю политику И. В. Сталина. Были произведены серьезные кадровые перемены: с высших военных постов сняты многие руководители, не соответствующие служебному положению в т. ч. личный друг генсека, нарком обороны К. Е. Ворошилов. В тоже время восстановлено в армии около 11 тыс. ранее репрессированных командиров¹⁸. Ротация кадров захватила и партаппарат, включая его верхушку; 21 февраля 1941 г. кандидатами в члены Политбюро ЦК ВКП(б) были введены сразу три молодых талантливых организатора: Н. А. Вознесенский, Г. В. Маленков, А. С. Щербаков. Тем не менее, восстановить кадровый потенциал, разрушенный в 1937–1939 гг. особенно в армии, к началу войны не удалось.

Изменение внутренней политики государства, естественно, сказалось и на деятельности органов госбезопасности, что имело место и в Мордовии. Если в 1937–1939 гг. по данным НКВД здесь было арестовано (по терминологии органов «изъято») 5242 чел., то в 1940 г. — 187, а за первую половину 1941 г. — 77 чел.¹⁹ При подготовке и в течение войны органы госбезопасности Мордовии главное внимание стали уделять не поискам внутренних «врагов народа», а укреплению производственной дисциплины, борьбе с уклонением от фронта, развившимися уголовными преступлениями и обезвреживанию действительных врагов государства.

Меры по укреплению дисциплины характеризовались следующими масштабами. Например, на Саровском машиностроительном заводе, где работало 793 чел. уже к осени 1940 г. были заведены дела на 110 чел. Из них осуждено 75 чел., т. е., практически каждый десятый работник, в т. ч. 24 чел. приговорены к тюремному заключению, 40

¹⁶Типпельскирх К. История Второй мировой войны. Пер. с нем. М., 1956. С. 173.

¹⁷ История России. XX век. М.: Аст, 1997. С. 412.,

¹⁸ Там же. С. 116.

¹⁹Абрамов В. К. Мордовия в годы Второй мировой войны // Мордовия в годы Второй мировой войны. Сб. ст. / МордГУ им. Н.П. Огарева. Саранск, 2006. С. 16.

чел. к исправительно-трудовым работам²⁰. «Укрепляя дисциплину в рядах трудящихся», спецслужбы подобные же санкции применяли и к своим рядам. Число сотрудников Наркомата внутренних дел Мордовии, подвергнутых различного рода взысканиям от дисциплинарных до уголовных, во вторую половину 1940 г. возросло в 2,3 раза по сравнению с первой половиной и достигло 112 чел. (17% от 657 чел.); 6 из них были преданы суду, 20 уволены, 49 подвергнуты дисциплинарным взысканиям и т. д.²¹

Дезертирство. Следующим направлением стала борьба с дезертирством, которое за 1941–1945 гг. в крае не превышало среднероссийских показателей и составило около 5 промилле от численности населения или примерно 1 промилле в год. Так, в Мордовии в 1942 г., когда начались массовые облавы на дезертиров, было задержано 245 «уклоняющихся от призыва в армию» и 1251 «дезертировавших из своих частей»; в 1943 г. — соответственно 396 и 1928; в 1944 г. — 140 и 1268; в 1945 г. — 79 и 268 чел. Всего за 1941–1945 гг. здесь «задержали» 5575 чел., в т. ч. 4715 «дезертировавших из своих частей» и 860 «уклоняющихся от призыва»²².

Примерно такой же уровень наблюдался в соседних регионах. Например, в Куйбышевской (с Ульяновской) области в 1943 г. «только органами милиции» было задержано 1352 дезертира, 2464 чел. «нарушивших правила учета» и 2795 «уклоняющихся от призыва»²³. Под суд попадало около пятой части «дезертиров и уклонистов», т. е. меры их наказания нельзя признать слишком жестокими. В случае массовых явлений дезертирства и уклонения репрессии усиливались. Так, в июне 1942 г. в с. Ломаты Дубенского района Мордовии НКВД выявил 72 «уклониста-членовредителя»; из них осудили 35 чел., в т. ч. к расстрелу 5 чел., к 10 годам заключения — 30 чел.²⁴

Борьба с подрывной деятельностью включала в себя, как выявление и ликвидацию прямых агентов германской разведки, так и аресты советских граждан, выражавших свое недовольство политикой властей, голодом и т. д.

По сообщениям НКВД, были ликвидированы следующие подрывные группы (табл. 1):

²⁰ Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. 269-П. Оп. 3. Д. 51. Л. 1,7

²¹ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 3. Д. 287. Л. 2

²² Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Мордовия (АУФСБ РФ по РМ). Д. 36-69. Л. 23.

²³ Государственный архив социально-политической истории Самарской области (ГАСПИ). Ф. 656. Оп. 35. Д. 106. Л. 3.

²⁴ Абрамов В. К. Мордовия в годы Второй мировой войны ... С. 64-65.

Таблица 1.

Ликвидация подрывных групп*

№ п/п	Характер деятельности группы	Чел.	Время ликвидации	Руководитель	Примечание
1	Агитация,	3	Октябрь, 1941 г.	Егоров Г.И.	
2	Агитация, грабежи	5	Январь, 1942 г.	Андреев А.О.	
3	Агитация	5	Февраль, 1942 г.	Курицын Г.Е.	
4	Шпионаж, диверсии	5	Апрель, 1942 г.	Козлова А.А.	
5	Шпионаж, подготовка восстания	5	Май, 1942 г.	Орлов К.М.	Заброшен 5 чел.
6	Массовое членовредительство	72	Июнь, 1942 г.	-	расстрел.
7	Шпионаж	3	Июнь, 1942 г.	Шевчук И.И.	
8	Диверсии, поджоги	5	Август, 1942 г.	Струнов А.П.	Заброшен
9	Агитация	3	Сентябрь, 1942 г.	Калатович С.М.	
10	Агитация, саботаж	5	Апрель, 1943 г.	Азрапкин Е.Д.	

* Табл. сост. по: Архив УФСБ РФ по РМ. Д. 31–2. Л. 20–22.

Кроме групп, указанных в таблице 1, в Мордовии были задержаны одиночные шпионы и диверсанты: Спурков А. И., «изобличивший» 5 чел., переброшенных через линию фронта; Гнеушев П. М., — выдавший 4 чел., в т. ч. одного резидента; Голуб И. П. назвавший имена и характеристики 6 немецких шпионов, направленных в различные города страны; Костин А. М., указавший на 12 чел., заброшенных вместе с ним; Романовский С. М., давший информацию о 11 немецких диверсантах. Всего за годы войны на территории Мордовской АССР было арестовано 59 «членов шпионских и диверсионных групп, переброшенных немецкой разведкой для подрыва работы в тылу Красной Армии»²⁵.

Борьба с подрывной деятельностью включала в себя также аресты советских граждан, выражавших свое недовольство политикой властей, голодом и т. д. Обвинение в групповой агитации и антисоветской пропаганде мог повлечь за собой простой обмен мнениями нескольких человек, включающими положительную оценку действий германской армии или даже рассказанный анекдот, связанный с войной. Так, по данным НКВД с 22 июня 1941 г. по 1 января 1945 г. в Мордовии было «изъято» 1040 чел. «контрреволюционного элемента», к которым относили местных жителей, обвиненных в антигосударственной пропаганде. Кроме того, на 1 июня 1945 г. здесь на «активном

²⁵ Архив УФСБ РФ по РМ. Д. 36–69. Л. 20–23

учете» состояло 876 чел. и на «подсобном» — 2186 чел., в той или иной мере замеченных «в антисоветских настроениях»²⁶. Эти «настроения» могли обойтись их носителю весьма дорого. Например, 22 июня 1941 г., высланная в г. Ардатов из Ленинграда гражданка Кельмуц, чей муж был ранее арестован, на вечеринке подняла тост «за фашизм», за что была осуждена на 10 лет, а присутствовавший там, но не донесший на неё коммунист Матвеев — исключен из партии. Позднее он неоднократно в 1942, 1944, 1959 гг. подавал заявление о восстановлении, но не был восстановлен²⁷.

Криминалитет. В годы войны существенно ухудшилась криминальная обстановка и борьба органов госбезопасности с криминалитетом стала еще одним важным направлением их деятельности. В этом были замечены и некоторые сотрудники НКВД. Так, например, в Ладском районе работники районного отдела НКВД проводя обыски у подозревавшихся в воровстве, забирали себе часть ворованного, за взятки прекращали дела о хищениях, отбирали у торговцев на рынке продукты и т. д., даже воровали овец²⁸. Отдельного упоминания «достойна деятельность» банды, которую удалось обезвредить только в 1946 г. Всю войну она грабила учреждения и отдельных граждан на территории Мордовии и соседних областей. Вышли на нее совершенно случайно при нарушении, если можно так выразиться, внутрибандовской дисциплины одним из членов группировки (он совершил индивидуальный грабеж и попался). Как оказалось, она в значительной степени состояла из сотрудников НКВД и возглавлялась начальником уголовного розыска г. Саранска С. Я. Лопасовым, который все эти годы ее ловил²⁹. В условиях повсеместного дефицита спекулянты и жуликоватые начальники экстраординарно обогащались. Все это отразила поговорка тех лет: «Кому война, а кому мать родна». Иногда не надеясь на милицию и власти население, начинало «вспоминать» общинные традиции и бороться с воровством собственными силами. Криминальную обстановку обостряли так же конфликты между так сказать «начальниками и подчиненными». Люди, у которых уполномоченные по воле государства отбирали последние продукты и прочее мстили им. Участились случаи нападения на представителей власти, поджогов, наиболее многочисленные в Ромодановском районе³⁰.

²⁶ Архив УФСБ РФ по РМ. – Д. 31–2. Л. 25, 20; Абрамов В. К. Мордовия в годы Второй мировой войны ... С.72–73.

²⁷ ЦГА РМ. Ф. 269–П. Оп. 6. Д. 770. Л. 8

²⁸ Абрамов В.К. История мордовского народа. XX век (1897–2010). С.,383–384.

²⁹ Там же. С. 607.

³⁰ Архив УФСБ РФ по РМ. Д. 24–15. Л. 20–21, 43, 45, 97.

Общая картина этих явлений представлена в табл. 2.

Таблица 2

Криминальная обстановка в Мордовии в 1941–1950 гг.*

Вид преступления	Количество по годам									
	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Совершено уголовных преступлений	1658	6346	5931	5840	2089	2297	1544	591	442	164
Ликвидировано бандгруппировок	-	-	23	20	19	25	28	9	7	-
в них чел.	-	-	93	76	60	95	47	28	20	-
Арестовано бандитов одиночек, чел.	-	-	2	7	9	11	18	5	-	2
Бандпособн., чел.	-	-	-	63	63	3	6	3	4	-
Изъято у населения автоматов, шт.	-	-	2	7	18	14	3	-	2	-
винтовок, шт.	-	35	15	29	37	41	11	10	5	-
пистолетов и револьверов шт.	-	90	113	54	148	302	143	72	44	-
пулеметов, шт.	-	-	-	2	-	1	-	-	-	-
минометов, шт.	-	-	-	3	-	1	-	-	-	-
гранат, шт.	-	6	7	17	-	3	9	-	-	-
патронов, шт.	-	1556	423	-	158	870	397	301	110	-
другого огнестрельного оружия, шт.	-	478	209	130	92	75	16	6	9	-
холодного оружия, шт.	-	-	-	-	-	64	32	8	8	-
Совершено преступлений по линии ОБХСС	1171	944	959	2939	3564	4374	2909	2798	1738	671
по ним привл., чел.	1446	1410	1632	4014	4917	6142	3822	3423	2118	796
В т.ч. арестов., чел.	189	668	342	895	1202	1249	1028	797	676	190

*Табл. сост. по: Архив УФСБ РФ по РМ. Д. 36–69. Л. 23–24.

Борьба с воровством и грабежами, которые стали принимать массовый характер, с развившимся бандитизмом занимала важнейшее место в работе органов госбезопасности наряду с подрывной деятельностью. Всего за 1941–1950 гг. в Мордовии зафиксировали 26902 уголовных преступления. Их пик пришелся на 1942 г., когда было учтено 6346 (в 1941 г. — 1658, в 1950 — 164). За это время была ликвидирована 131 «банда», арестовано 615 «бандитов и бандподсобников», изъято 46

автоматов, 183 винтовки, 1015 единиц другого огнестрельного оружия. Было также зафиксировано 29720 преступлений по линии ОБХСС и арестовано по ним 7236 чел. Здесь пик пришелся на 1946 г. (соответственно 6142 и 1249)³¹.

Вывод. Деятельность спецслужб Мордовии в годы Второй мировой войны, в основном, соответствовала их прямому назначению, а оценка их действий с учетом довоенного периода, показывает, что спецслужбы — это инструмент, который в зависимости от способов использования центральной властью, может служить как разрушению, так и защите своего государства.

Библиографический список

1. Абрамов В. К. История мордовского народа. XX век (1897–2010). М.: Политическая энциклопедия, 2025. 999 с.
2. Абрамов В. К. Мордовия в годы Второй мировой войны // Сб. ст. / МордГУ им. Н.П. Огарева. Саранск, 2006. С. 4–97.
3. Абрамов В. К. Мордовское национальное движение. Саранск, 2007. 180 с.
4. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Мордовия. (АУФСБ РФ по РМ). Д. 13–2.
5. АУФСБ РФ по РМ. Д. 24–15.
6. АУФСБ РФ по РМ. Д. 31–2.
7. АУФСБ РФ по РМ. Д. 36–69.
8. Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: в 2 т. Т. 1. М.: Новости, 1990. 624 с.
9. Государственный архив социально-политической истории Самарской области (ГАСПИ СО). – Ф. 656. – Оп. 35. – Д. 106.
10. История России. XX век. учебное пособие для системы педагогических вузов России. М. – Минск: Аст, АСТ– ЛТД, Харвест, 1997. 607 с.
11. Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956. XIII, 607 с
12. Центральный Государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ.). Ф. Р–238. Оп. 1. Д. 36.
13. ЦГА РМ. Ф. Р–238. Оп. 11. Д. 46.
14. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 3. Д. 287.
15. ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 6. Д. 770.

³¹ АУФСБ РФ по РМ. Д. 36–69. Л. 23–24.

Электронное научное издание

ПРАВО, ОБЩЕСТВО, СПРАВЕДЛИВОСТЬ

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

№1/2025

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISSN 3033-814X

Усл. печ. л. 2,7

Объем издания 2,4 МВ

Издание: Международный научный электронный журнал «Право, общество, справедливость»

Учредитель: Краснова Н.А.

Издательство Индивидуальный предприниматель Краснова Наталья Александровна

Адрес редакции: Россия, 603000, г. Нижний Новгород пл. М. Горького, 4/2, 4 этаж, офис №1,

Тел.: +79625087402